

ЛЮБОВЬ ТУРБИНА

*Земля обетованная,
или
Очарованный странник*

Прежде чем просвещать, надо стать светом.
Архимандрит Амвросий

Так случилось, что именно в Белоруссии прошло самое счастливое время в жизни нашей семьи, в первую очередь в жизни моего отца. Это были далеко не худшие годы и в жизни страны — с 1955 по 1970 годы, всего-то 15 лет, а сколько событий они вместили!

В Ленинграде мы прожили меньше — 10 лет, с ноября 1945 года, в детстве время тянется так медленно. А для папы, как я понимаю сейчас, это было время серьезных испытаний. Он прошел за эти годы путь от последователя господствовавшего тогда в науке по всем вопросам генетики учения Трофима Денисовича Лысенко, присланного в фрондирующий Ленинград из Москвы заведовать кафедрой генетики ЛГУ, до опубликования смелой работы «К вопросу о видообразовании» в «Ботаническом журнале» в 1952 году. В небольшой, на четыре страницы статье впервые подвергались серьезной научной критике взгляды Лысенко по этому вопросу. Отметим, что переломная в мировоззрении отца статья появилась в печати еще при жизни Сталина. Возможно (по смутным детским воспоминаниям) отношение Сталина к Лысенко изменило публичное заявление на самом высоком уровне академика Лепешинской (не путать с балериной!): «Лысенко — это Сталин в биологии!» Присутствующими было замечено — Сталин, услышав эти слова весьма немолодой и восторженной дамы, поморщился.

Так вот, годы между переездом папы из Москвы в Ленинградский университет заведовать кафедрой генетики, где вскоре он был назначен деканом биофака, и отъездом в Минск, уже избранным академиком Белорусской академии, были годами напряженного, очень насыщенного самообразования.

Разбирая папину библиотеку несколько лет назад, я была поражена разнообразием и широтой интересов, отраженными в книгах. Особую, возможно, самую главную полку в его книжном шкафу составили книги по философии, логике и другим гуманитарным дисциплинам, бесценные букинистические раритеты (среди них изданные даже в семнадцатом веке). Это следствие осознанной тогда отцом недостаточной научной и общекультурной подготовки, которую он ощутил в ЛГУ, оказавшись среди старой, еще петербургской профессуры. И со свойственной ему страстью отдался чтению самому разнообразному, стараясь заполнить пробелы в своем образовании, полученном еще до войны в Воронежском сель-хозинституте и после в Москве, в докторантуре.

В Минск приехал уже не просто вполне компетентный ученый-биолог, а человек широчайшего кругозора, вполне соответствующий по своей эрудиции высокому званию академика любой академии мира.

Ему было тогда сорок два года — возраст актё, равновесного расцвета духовных и физических сил. Первоначально папа был директором Института биологии

АН БССР, одновременно заведующая кафедрой генетики Белорусского государственного университета.

Следует отметить, что в то время папа был не единственной «приглашенной звездой» для укрепления и развития белорусской науки. В Белоруссии работали математики Николай Павлович Еругин, Владимир Иванович Крылов, Юрий Станиславович Богданов, физики Борис Иванович Степанов и Михаил Александрович Ельяшевич — мои будущие профессора (в 1959 году я поступила на физфак БГУ).

И тому, что в Минске высадили столь внушительный «десант» первоклассных ученых из Ленинграда, Белоруссия обязана исключительно Антону Никифоровичу Севченко, ученому-физику — ученику Сергея Вавилова, величайшему организатору-энтузиасту белорусской науки. Он же, впоследствии часто встречаясь с папой, в том числе и у нас дома, «продавил»

мое поступление именно на физфак, хотя у меня были совсем другие планы...

Поздний Нагибин писал, рассматривая фотографии разных лет героя своей повести (кажется, речь шла о Гете): «Вот это еще не он, и это пока еще не вполне он — а вот это уже Он!» Это же можно сказать о папиных фотографиях минского периода: именно с переездом в Минск исчезли глубокие складки озабоченности на его лбу, выражение глаз стало менее суровым, он стал чаще улыбаться. Улыбаться так обаятельно, как умел он один... Сейчас мне кажется, что именно здесь он позволил себе наконец обернуться к жизни во всех ее проявлениях. Они с мамой ходили в спортзал университета по субботам на так называемый преподавательский волейбол, очень популярную игру в те годы. Заметим, что там вместе с ними играл в волейбол тогдашний аспирант Саша Адамович (так называла его мама), будущий знаменитый писатель; дружба с ним у родителей сохранилась до последних дней.

Но полнота жизни в Минске включала в себя не только спорт. Справедливости ради замечу — еще в Ленинграде родители были заядлыми театраллами, я собирала книжечки «Театральный Ленинград» и до сих пор помню, какие пьесы тогда ставились. А в Минске папа и мама сразу же пристрастились ходить в Театр имени Янки Купалы. В тогдашнем репертуаре, как и всегда, — «Павлинка» Купалы, а еще пьесы Островского. Почему-то особенно запомнилась постановка пьесы «Доходное место». Это было золотое время театра, когда были живы и играли все корифеи — Лидия Ржецкая и Владимир Дедюшко в «Павлинке», в роли пана Быковского блистал Борис Платонов, в «Доходном месте» Жадова играл тоже Платонов, а двух сестер-невест — Татьяна Алексеева и Зинаида Броварская. Приехавшие вместе с папой ленинградские физики тоже с завидной регулярностью посещали этот театр — после премьеры «Доходного места» академик Степанов возбужденно говорил: «Определенно я влюбился в Алексееву». То, что спектакли шли на белорусском языке, ничуть не смущало приехавших ленинградцев: если есть желание, все понимаешь. Когда к нам в Минск стали

приезжать родственники из Москвы, их «угощали» белорусским театром. Даже искушенная театралка мамина тетушка Анна, знавшая чуть ли не наизусть все пьесы Островского и репертуар Малого театра, бывала в восторге.

Посещали регулярно и, недавно построенную Белорусскую филармонию. Это уже под некоторым нажимом мамы: папа был исключительно начитан, но музыкально не образован, и в отличие от своего отца Василия Николаевича, музыкального слуха не имел. Но, тем не менее, именно ему прислали письмо, которое я недавно нашла в старой маминной сумочке, где хранились самые важные для нее бумаги. В этом письме папу в утонченно-вежливой форме приглашали принять участие в Совете филармонии...

Но главным, разумеется, была его работа в Академии и в Университете. О работе в Институте биологии лучше всего рассказали папины сотрудники в книге из серии «Люди белорусской науки». А вот об успехе отцовских лекций по генетике на биофаке БГУ в конце пятидесятых мне рассказывали посещавшие их друзья-гуманитарии: Адам Мальдис, Рыгор Бородулин, Нелли Счастливая. Лекции эти были подлинным событием культурной жизни тогдашнего Минска — с папой в Минск пришел свежий ветер перемен, которых тогда все ожидали с нетерпением. Так получилось, что в середине прошлого века именно генетика стала главным полем идеологической борьбы.

Разумеется, не только гуманитарии посещали папины лекции — и биологи тоже. Одна из его студенток вспоминала: «Это было время, когда преподавательский состав факультета был представлен профессионалами старой школы — умными, интеллигентными, увлеченными... Это было время, когда мичуринское учение о генетике уже сдавало свои позиции, и открыто проповедовались взгляды морганистов. Нас завораживали слова *гены, хромосомы, дрозофилы*. А лекции читал Николай Васильевич Турбин. Все девочки были в него влюблены — красивые резкие черты лица, чуть седеющие волосы. Читал увлеченно, темпераментно, доступно. Мы с восторгом внимали ему...»

И мне довелось прослушать несколько папиных лекций, когда я уже работала в Институте генетики и цитологии. Поразила меня та бездна обаяния, артистизм, которым он заражал аудиторию, стараясь, чтобы его не только поняли, но и полюбили предмет — в том числе через любовь к нему, что и подтверждают воспоминания его бывшей студентки. Никогда — ни дома, ни позднее в институте, я не видела его таким вдохновенным! Думаю теперь, что папа был прирожденным лектором, с талантом от Бога.

А в Академии повсюду шло строительство Института генетики, который папа позднее и возглавил. Однажды — я была, кажется, девятиклассницей — среди ночи раздался звонок: в почти отделанном здании института прорвало трубу, и папе надо было ехать туда. Почему я вдруг моментально оделась и вызвалась ехать с ним — не помню, но он меня взял, а мне хотелось как-то его защитить. И действительно, разговор был не из приятных, техника удалось вызвать не скоро. Таких звонков, наверное, было немало, просто я помню именно этот. Институт генетики и цитологии был открыт уже в 1965 году, и до своего отъезда в Москву в 1971 году папа его возглавлял.

Но главная группа его учеников, если хотите, его опора в Минске, сложилась уже в академическом Институте биологии. Это были молодые аспиранты: Надежда Атрашенок, Всеволод Бормотов, Владислав Володин и Любовь Хотылева. К ним присоединилась и приехавшая за папой в Минск с мужем, тоже генетиком, Анна Николаевна Палилова. Каждый из них защитил кандидатскую диссертацию и вскорости докторскую, занимаясь своим отдельным разделом генетики. Их работами до сих пор заслуженно гордится Институт. А Любовь Владимировна Хотылева после папиного отъезда возглавляла Институт генетики и цитологии 20 лет.

Именно в Минске ему удалось создать то, что называется «научной школой». Конечно, и в Ленинграде у папы были аспиранты, сделавшие в дальнейшем

успешную научную карьеру. Так, я помню его югославскую аспирантку Ружицу Главинич, потом профессора и доктора наук, а также болгарку Ольгу Дряновска, с которой была знакома и дружна многие годы. Обе они оставили интересные воспоминания о папе как о руководителе аспирантуры и лекторе. Научная школа — это круг людей (учеников) и генератор идей (руководитель), а также стиль отношений, который постепенно складывается в этом кругу. Всегда существует ядро школы, его образуют те, кто пришли в «школу» первые, те самые перечисленные пять человек. А дальше школа обростает идеями и людьми. Так пришел в институт Г. В. Красовский со своей темой «Генетика рака», папа сразу сумел оценить эту идею (нюх на свежую и стоящую идею вырабатывается расширением кругозора и быстротой восприятия), а в Институте генетики появился отдел генетики рака. И уже переехав в Москву, папа долгие годы был тем самым индикатором на подлинность и научность для созданного им в Белоруссии Института.

Именно в Белоруссии ему удалось выполнить три главных дела, издревле положенных мужчине: построить дом, вырастить дерево и родить сына. Начнем с последнего — после достаточно долгого перерыва в девять лет, после меня и сестры в 1956 году в нашей семье появился сын Василий, названный, как и положено, в честь деда. Тогда же затеял папа строительство дачи в только что выделенном для академиков поселке Крыжовка, в шестнадцати километрах от Минска. Дом первоначально задуман был как деревенская изба: за срубом ездили аж под Воложин, ставили на фундамент, потом облицовывали вагонкой. Все этапы и трудности стройки постоянно обсуждались за столом — папа занимался строительством дачи с увлечением и энтузиазмом, как и все, что он затевал, особенно на первом этапе. Помню, меня удивляло, что бригаду строителей возглавлял крупный мужик, которого работяги почтительно называли Прокурором. Как выяснилось, примыкавший к нашей Крыжовке поселок Ратомка считался ближайшей к Минску «чертой оседлости» для возвращавшихся из мест заключения, и вроде бы Прокурор и правда когда-то им был. Помню картинку: огромный детина в кепке и кирзовых сапогах, разговаривая с папой в сумерках перед недостроенным домом, лихо поигрывает увесистым топором — в кино, до которого я была большая охотница, именно так изображались разбойники. На мой взгляд, от него веяло опасностью. Это подтверждалось потом неоднократно: во время расплаты всегда выходило много больше, чем договаривались заранее. Впрочем, как я понимаю теперь, так происходит всегда, если заказчик не слишком разбирается в предмете.

Зато когда пришла пора заниматься садом, папа оказался в своей стихии: у нас, по сравнению с соседями, был настоящий экспериментальный участок. Прежде всего папа озаботился тем, что называется теперь «ландшафтным дизайном»: на лужайке перед домом был разбит цветник, обсаженный по периметру редкими декоративными растениями (разведением цветов потом занялась мама, более постоянная в своих увлечениях), а вдоль прозрачной железной сетки красовались гладкие, каштановые стволы уссурийской черемухи Мааки — из опытного хозяйства Ботанического сада, который тогда находился в ведении Института биологии. Кроме того, с внешней и внутренней стороны сетчатого забора, отделяющего участок от дороги, зазеленели ирга, боярышник и акация. Ни у кого в поселке не было такого разнообразия в саду.

Прижились взрослые деревья и кустарники потому, что почву перед посадкой густо удобряли торфом — как раз в это время осушались торфяные болота между Ратомкой и Крыжовкой. Торф возился машинами и был относительно недорог. Через год на нашем участке, на приствольных кругах под деревьями и кустами выросло огромное количество грибов, преимущественно рыжиков, ядреных, крепких. Торф был обильно насыщен грибницей, такие рыжики росли и на лугу, под молодыми елочками, которые появились на месте высушенного болота.

А какой богатый и разнообразный фруктовый сад был посажен папой: яблони, груши, вишни, сливы, черешня и даже абрикосы! Сорты яблонь подбирались

*Николай Турбин, Александр Вечер и Михаил Гончарик
в зале Института биологии АН БССР.*

от самых ранних — пепинка (белый налив) и Суйслепская — до самых поздних — Уэлси и Бабушкино. Были посажены и две молодые яблоньки, на которых зрели мелкие красные яблочки для варенья. Отдельно стояла яблоня Якуба Коласа — названная так не по сорту, а по имени того, из чьего сада ее привезли. Поскольку сад стоял практически среди сосен, черешни вымахали в высоту так, что ягоды могли достать только птицы, абрикосы и сливы вымерзли в первую же суровую зиму, которая приходит раз в четыре года, а вот груши и вишни прекрасно плодоносили первые лет пятнадцать. Яблони же, верные терпеливые яблони, покрываются цветами по весне через год, и плоды тоже вызревают, хотя очень давно никто ими не занимается...

Огород у нас тоже был сразу же организован: все пространство между фруктовыми деревьями в первый же год засадили в основном капустой. Низинное расположение для нее самое то: обычная белокачанная, а также малоизвестная тогда кольраби. Конечно, были высеяны и традиционные морковь, укроп и петрушка, но капусты сняли просто невиданный урожай — вся открытая веранда со стороны непарадного выхода из дома под осень была завалена крупными сочными кочанами. И меня, вручив в руки корзинку, нагруженную дарами нашего огорода, командировали к соседям. Логика была проста — если у кого-то избыток урожая, то почему не поделиться с соседями? Соседи не захотели оценить бескорыстного порыва удачливых огородников, меня завернули обратно, я заплакала от обиды. Не имея ни возможности, ни желания как-то использовать своими силами урожай, папа к огороду охладел. Была еще одна история с моим участием: у нас сидели гости, папа послал меня в огород за огурцами. Я смотрю на грядку с огурцами и думаю: «Какие-то они странные, пушистые, не видела раньше таких огурцов...» — и срываю несколько штук. Каково же было папино отчаяние, когда я принесла их на веранду: оказалось, что это плоды экспериментально посаженной дыни! С тех пор он больше и не пытался вырастить дыню в условиях Беларуси. И вообще, на следующий год папин интерес к огороду почти погас. У него появилось новое увлечение: английский язык! Когда необходимость выучить разговор-

*Николай Турбин с женой Татьяной Владимировной
и внучкой Таней в пасажном им саду.*

ный английский внезапно и полностью овладела отцом, неожиданно нашлась и учительница: природная американка, уже несколько лет жившая в Минске, Джэн Клавдиевна Курага-Скрага (фамилия по мужу) — именно в связи с замужеством оказалась она в Минске. О милейшей Джэн Клавдиевне надо хоть немного сказать отдельно. Когда именно она появилась в столице Белоруссии, сказать сейчас не могу, но знаю, что она вышла замуж, приехав в Париж после войны (возможно, учиться), за гражданина СССР, который после войны в Испании оказался во Франции, а впоследствии вернулся в родной Минск.

Стала бывать у Джэн Клавдиевны дома и я — детям она давала уроки на дому, — не раз видела ее мужа. У него был очень существенный недостаток — он пил. Мы жили близко от нее по улице Янки Купалы, иногда видели, как она под дождем убегает из дома с двумя маленькими девочками — Ирой и Зоей. Это значило, что глава семьи запил и буйствует. Когда же я приходила на занятия и он бывал в нормальном состоянии, было ясно, что у него травмирована психика, что он пережил многое, о чем не имеет права рассказать, и потому вызывал сочувствие. Жена же его была просто страстотерпицей. Прошли годы, девочки выросли, сама Джэн Клавдиевна, как я слышала, уехала в конце концов в Чикаго. Она была женщиной исключительного обаяния, остроумная, веселая, никогда ни на что не жаловалась. Первая в жизни лично знакомая американка располагала сердца узнавших ее в пользу Америки. Вот как много может один человек...

Но вернемся к папе. Для занятий английским Джэн Клавдиевна приезжала в Институт, где сформировалась группа, в которую кроме папы входило то самое ядро его школы: аспиранты и младшие научные сотрудники, в первую очередь Анна Николаевна Палилова и Любовь Владимировна Хотылева. Занятия проходили в самой непринужденной обстановке, так вспоминают все, кто в них участвовал. Папа сумел сохранить в себе до последних дней и передать окружающим «радость познания», свойственную детям. А дома непрерывно звучал голос Джэн Клавдиевны, записанный на магнитофонную пленку (папа привез из Японии легкий переносной магнитофон, возможно, один из первых в Минске). Папа брился, одевался и завтракал под непрерывное бормотание по-английски, мама даже роптала. Зато уже через пару лет папа смог поехать в Англию с чтением лекций в университетах

на английском языке! Хотя, с нашей, домашней точки зрения, произношение у него было так себе. Но запас слов, знание предмета, а главное, умение понять вопросы, все искупало! В самый разгар увлечения английским языком папа, услышав, что одна из его аспиранток разводится с мужем-дипломатом, воскликнул: «Какая глупость — ведь ее муж так хорошо знает английский язык!»

В Минске же отец купил машину и научился ее водить. Хотя по природе это было ему не сродни: он нервничал — за рулем надо думать о дороге, это мешало мыслительному процессу, всегда многоаспектному. Кроме того, он всегда хотел все понять. Вот картинка — мы едем возле Юбилейной площади, милиционер останавливает машину, выписывает штраф за нарушение. Мы продолжаем путь, но вдруг почти на выезде из города папа разворачивает машину и возвращается на Юбилейную площадь, чтобы сказать тому самому постовому: «Я понял, почему вы меня оштрафовали!»

Из дальних поездок папа возил нас в Пушкинские горы (всей семьей в 1964 году, летом) и один или два раза возил семью в Рязань (я туда уже не ездила). Но после крупной аварии по дороге на Нарочь в 1966 году (то, что никто не был ранен, — счастливая случайность) пришлось оставить машину до приезда эвакуатора, папа водить перестал.

Здесь же, в Минске, будучи директором Института биологии, папа подвергся несправедливой публичной критике, более похожей на брань. Во время своего приезда в Белоруссию Никита Хрущев нанес «вразумляющий удар» по Турбину и Жебраку, которые, по его выражению, «создали здесь очаг вейсманизма-морганизма», только при активной поддержке Сергея Притыцкого, тогдашнего секретаря КПБ, отец смог продолжить начатую работу. Прочитать об этом подробнее можно в других источниках. Здесь же я вспоминаю для того, чтобы показать — папу к этому времени в Белоруссии уже ценили и считали своим.

Для некоторого идеологического равновесия, в качестве вставной новеллы хочу рассказать эпизод, связанный с моим пребыванием в ИГЦ в должности старшего инженера (год 1965-й). Папа информирует коллектив о своей поездке в Москву: «И тогда Келдыш (президент АН СССР. — Л. Т.) спрашивает — а вы, Трофим Денисович, над чем сейчас работаете? И слышит ответ: мы работаем над повышением жирности молока у коров. Корова — это не атом. Это объективная реальность!» Папа уже смешливым тоном подчеркивает слабую образованность одиозной на тот момент фигуры Лысенко, а я, недавняя выпускница физфака БГУ, думаю, сколько, однако, здравого смысла в этих словах!..

И уже оказавшись в Москве, папа трепетно, с сердечным интересом слушал любые вести из Минска, переживал за судьбу Института генетики и цитологии и тех сортов тритикале (последнее папино увлечение), работой над которыми были заполнены последние годы его жизни.

У нас дома было принято чтение вечерами вслух, особенно на даче в Крыжовке — на закрытой веранде, пока было светло, или у топящейся печки в центральной комнате. Читал папа блестяще. Выбирал сам. В Ленинграде для нас с сестрой очень выразительно прочитал басню «Пес и кот» Ованеса Туманяна. А в Крыжовке чаще других звучали Гоголь и Бунин: почему-то особенно запомнился «Господин из Сан-Франциско». А еще папа любил Лескова: за самобытное словотворчество. Чутье к слову у папы было замечательное, в студенческие годы он писал стихи, и сам Мандельштам хвалил в Воронеже его поэмы о Гераклите и о княгине Ольге!

«Очарованный странник» Лескова тоже прозвучал как-то на даче, у печки, и, вспоминая это чтение сейчас, папа представляется мне тем самым странником, очарованным жизнью. Каждый город, где прошла какая-то часть его жизни, попеременно его очаровывал: Рязань, Воронеж, Москва, затем Ленинград. Но Минск выделяется из них как самое счастливое место, где наиболее полно реализовались его таланты и возможности и где его присутствие оставило самый заметный след.

ИРИНА МИЛЬТО

Снова о Владимире Мулявине

Об этом человеке написано и сказано много, но, наверное, особенность истинного таланта в том, что постижение его творчества и жизненного пути — процесс бесконечный. Наибольшую ценность, на мой взгляд, представляют документальные материалы, высказывания самого художника, которые позволяют заглянуть в его внутренний мир, творческую лабораторию, что в случае с Мулявиным сделать было непросто: Владимир Георгиевич не любил давать интервью, и их осталось немного. Мне удалось несколько раз довольно обстоятельно побеседовать с музыкантом. Эти разговоры, записанные на пленку, сохранились в моем архиве, и сегодня мне кажется важным опубликовать их.

В 1975 году, вскоре после окончания отделения музыковедения Белорусской государственной консерватории, я пришла работать в музыкальную редакцию Белорусского радио. С самого начала круг моих профессиональных интересов находился в области «серьезной» музыки, на эстраде же пристальное внимание притягивало творчество только одного человека — это был Владимир Мулявин. Когда я впервые услышала в исполнении «Песняров» его обработки белорусских народных песен «Ой, рэчанька», «Купалінка», мой музыкальный слух как бы очистился, возрадовался, приняв совершенно новое звуковое измерение. И дело тут было не только в неожиданных красивых гармониях, чистоте и созвучности мужских голосов, а еще и в какой-то удивительной трепетности исполнения. Такое глубинное проникновение в суть старинного народного напева молодыми эстрадными музыкантами тогда поразило, захотелось послушать их снова, проследить за творческим развитием ансамбля и его руководителя.

Потом я делала передачи для Белорусского и Всесоюзного радио: то в связи с очередным юбилеем «Песняров» или Мулявина, то по случаю премьеры их новой программы. Естественно, хотелось обсуждать интересующие меня и мно-

гих радиослушателей вопросы именно с Мулявиным, потому что катализатором идей и стержнем коллектива был именно он. Однако поймать Владимира Георгиевича для записи интервью было действительно непросто. И если бы не хороший знакомый нашей семьи Владислав Мисевич (он в те годы был правой рукой Мулявина во многих деловых вопросах, в контактах с прессой), вряд ли бы мне удалось записать несколько развернутых бесед с ним, которые вы прочтете ниже. Но почему же Владимир Мулявин не любил давать интервью? Мне кажется, дело было не в звездности и гордыне. Наоборот, в первые минуты записи он даже стеснялся, отшучивался, пытался отговориться от неприятной процедуры до тех пор, пока речь не заходила о важных для него творческих и жизненных вопросах. Когда он включался в разговор, перед тобой раскрывался удивительно искренний, добрый, глубокий человек с тонкой душевной организацией, что особенно проявлялось в тембре, неповторимых интонациях его голоса (жаль, что бумага не может этого передать). В то же время это был собеседник с мгновенной реакцией, прекрасным чувством юмора, озорным огоньком в глазах.

Еще одна причина, по которой Мулявин не любил давать интервью, думаю, в том, что он жил и горел творчеством: ему жалко, да и не очень интересно, было тратить время на разговоры с журналистами. Как истинный талант, он существовал в своем измерении, был постоянно устремлен к новым художественным поискам. Так же не заботился о записях программ, о том, как сохранится созданное им (во всяком случае, в годы нашего общения). Мулявину было не до этого — он все время двигался вперед. В результате осталось совсем немного качественных студийных записей ансамбля, в чем я убедилась, работая как редактор и составитель над «Антологией ансамбля «Песняры» в Дирекции фондовых материалов Белтелерадиокомпании. Мы сделали 12 компакт-дисков, куда вынуждены были включить много трансляционных, не всегда технически совершенных записей ансамбля, чтобы наиболее полно представить его историю. Кстати, эти записи в свое время Владислав Мисевич привозил то из Ленинграда, то из Москвы, приносил нам на радио, а мы их оформляли и сдавали в фонд. Только благодаря этому в фонотеке Белорусского радио есть фрагменты уникальной песняровской программы календарно-обрядовых песен (о ней речь впереди), композиции из программы «Через всю войну», отдельные песни.

Обстоятельно беседовать с Владимиром Мулявиным мне довелось трижды: в 1979 году, когда я делала передачу к 10-летию «Песняров»; в 1982-м — в связи с премьерой программы «Я не паэт» на стихи Янки Купалы, и в 1984-м — для передачи, посвященной 15-летию коллектива. Для этой публикации я выделила из наших бесед отдельные темы, которые показались мне самыми важными.

Путь к «Песнярам»

— **Владимир Георгиевич, как Вы пришли в музыку?**

— С детства я любил русские народные песни. Мне приходилось и самому их петь, и слушать, как поют их у меня дома, на улице. Я также освоил несколько народных инструментов и поступил в Свердловское музыкальное училище на отделение народных инструментов по классу балалайки и гитары. Там мне повезло, потому что я попал в руки замечательного музыканта и удивительного человека Александра Ивановича Навроцкого. Это был очень музыкальный человек. Он жил один и жил только музыкой. Дома у него была прекрасная библиотека, а еще все инструменты, которые только можно было достать: от украинской бандуры до набора всех духовых. Нас, его учеников, было человек пять-шесть, и всех он заразил любовью к музыке. Александр Иванович приучил нас любить народную музыку, духовую, классическую симфоническую и камерную музыку, за что я ему всю жизнь буду благодарен.

«Где же моя темноглазая, где?»

Я остановился на гитаре. Может, это было навеяно временем. Я был фанатом: каждый день занимался по многу часов. Учился на таких классических испанских гитаристах, как Андрес Сеговия, Франсиско Таррега, и переиграл все значительные произведения для гитары — исполнял их в концертах и для себя. Как гитарист я работал в разных филармониях России, пока судьба не забросила меня в Беларусь. Был в Минске на гастролях, мне очень понравился город, понравились люди. До этого, к своим 22 годам, я уже побывал в разных городах, но в Минске мне захотелось остаться. Я полюбил его, и наверное, лучше, ближе, любимее города я не найду. Меня взяли в Белгосфилармонию гитаристом, отсюда забрали в армию: я служил в Уручье, там, кстати, и встретил своих единомышленников по будущему ансамблю. Коллектив собрался из любителей белорусской народной песни, знающих если не все, то многие жанры музыкального искусства.

(1979 г.)

О белорусской народной песне

— **Владимир Георгиевич, но Вы же сами из России. Как пришла в голову мысль о создании ансамбля, в репертуаре которого главное место занимала именно белорусская народная песня?**

— Эта идея возникла не только у меня, мы все вместе в ансамбле думали о том, в каком направлении нам работать, и решили делать именно такую группу. Это было новое для нас и в творческом, и в человеческом отношении. Мы с самого начала старались не походить на другие коллективы, хотели иметь свой неповторимый творческий облик.

— **А чем привлекла белорусская народная песня, вроде бы не родная для Вас?**

— Когда я приехал в Белоруссию и впервые услышал белорусскую народную песню по радио, я зажегся этой совершенно новой музыкой. Потом мы в ансамбле начали работать с белорусским фольклором, начали его серьезно изучать. Мы в нашем эстрадном жанре были новичками в этом направлении: эксперименти-

ровали, пробовали, искали. Прежде чем браться за такой материал, мне нужно было послушать эти песни в первоисточнике, поэтому пришлось много поездить по деревням.

— **Может быть, что-то из этих поездок особенно запомнилось — народные певцы, обряды?**

— Во-первых, запомнилась атмосфера. В основном это было Полесье: Туров, Житковичи — мы ездили в те районы. Некоторые песни из тех мест потом вошли в фильм «В земле наши корни». Но вообще должен сказать, что мы не ставили перед собой задачу открывать белорусские народные песни — до нас это уже сделали многие фольклористы из Академии наук. Они собрали богатейшую фонотеку, которая открыта для нас, и мы можем пользоваться этим материалом, за что очень благодарны. Нам же необходимо было видеть, как это исполняется в народе, причем хотелось послушать разные трактовки одной и той же песни. В принципе, многие народные песни очень похожи по интонациям, тематике, ритму, нам же требовалось искать что-то особенное. Изучив такие разные интерпретации, позже мы решали: подойдет ли данная песня в нашу программу. Да и не все песни можно переложить на современный язык. Потом, не забывайте, что у нас ансамбль мужской, а значит, даже понравившиеся женские песни нам не подходят. В результате из прослушанного материала оставался небольшой процент, подходящий для «Песняров».

Кроме поездок по деревням мне очень помогли в изучении белорусского фольклора уже опубликованные издания белорусских народных песен — сборники Григория Ширмы и Геннадия Цитовича. Но как это все перевести на современный язык эстрадной группы? В первоисточнике народную песню мы исполнять не могли — для этого уже существовали разные хоры и ансамбли, а нам хотелось обратить внимание молодежной аудитории на белорусскую народную песню. Как это сделать?.. Вначале это была только инструментальная музыка. Первая песня была «Чаму ж мне не пець», где хотелось использовать все: народную мелодику, современный ритм и, конечно, полностью сохранить текст, передать настроение песни. Не знаю, насколько удачен был этот первый опыт, но это было чем-то совершенно новым для эстрады.

— **Вы сказали, что когда впервые услышали белорусскую народную песню, она Вас удивила. Чем?**

— Наверное, в первую очередь меня поразил мелодизм. Хотя и говорят, что все славянские мелодии — русские, украинские, белорусские — похожи, но мелодии белорусских народных песен мне показались какими-то совершенно нетронутыми, чистыми, неожиданными в ладовом отношении. В них есть что-то исконное, старинное. В русском фольклоре тоже немало прекрасных мелодий, но где-то он, так сказать, на слуху. А в белорусском фольклоре для меня и других членов ансамбля было что-то новое, и мы увлеклись работой. С возрастом мы стали более осторожно относиться к белорусской народной песне, у нас даже появились композиции в первоисточнике, но мы в их исполнение все равно стремимся привнести что-то свое, присущее только «Песнярам». Поэтому иногда исполнение может быть абсолютно близко к фольклорному, а может — и к современной песне.

— **Владимир Георгиевич, Вы сами сделали много разнообразных обработок белорусских народных песен. Интересно, как Вы подходите к этому делу? Что ставите во главу угла?**

— В первую очередь, нужно сохранить песню, чтобы она была узнаваемой — это самое главное: стараться меньше ее исказить, подчеркнуть то, что характерно именно для данной песни, — интонацию, гармонию, текст.

— **По какому принципу Вы отбираете песни для программ ансамбля?**

— Вначале мы брали просто белорусские народные песни, которые были популярны в Беларуси. Если они столько лет пелись здесь, были близки народу, то смогут понравиться и слушателям за пределами республики. Поэтому у

первую программу вошли такие популярные песни, как «Касіў Ясь канюшыну», «Чаму ж мне не пець», «Стаіць вярба» и другие. Сейчас мы работаем в несколько ином плане, окунулись в более глубокие пласты белорусской народной песни.

— **А как Вы подходите к обработке народной песни? Как работаете над ней?**

— Я смотрю: подойдет ли она в данную программу, как прозвучит именно сегодня. Поскольку мы эстрадный коллектив, то должны учитывать восприятие современного человека, молодого слушателя. Желательно сделать так, чтобы песня зазвучала и народно, и современно. Это задачи, которые в первую очередь стоят перед нами, аранжировщиками народных песен.

(1979 г.)

Мулявинские обработки белорусских народных песен — поразительное явление: трудно представить, как можно было, приехав сюда уже творчески сформировавшимся человеком, так глубоко проникнуть в душу этих песен, ощутить их неповторимое своеобразие, с таким тонким вкусом, мастерством аранжировать их, причем с самых первых работ. Объяснение напрашивается одно — это истинный талант, человек, влюбленный в белорусскую песню. Уже самые первые его обработки белорусских народных песен — «Касіў Ясь канюшыну», «Ой, рэчанька», «Ой, рана на Івана», «Купалінка», «Скрыпяць мае лапці», «Як я ехаў да яе» и другие — представляют собой практически совершенные образцы песняровского стиля. То есть, он чувствовал все это нутром изначально, без всяких многолетних мучительных поисков. В каждой песне найдена своя изюминка: голосами, гармонией, инструментами подчеркнута ее особенность. И в дальнейшем Владимир Мулявин умудрялся находить все новые, незапетые, малоизвестные белорусские народные песни и так раскрывал их перед слушателями, что они запоминались на всю жизнь: например, «Машанька», «Каліна»... И как приятно бывало, находясь вдали от родной Беларуси, слышать от молодых людей из других республик СССР, что благодаря нашим «Песнярам» они открыли для себя «такие красивые белорусские народные песни». Некоторые из них, например, «Касіў Ясь канюшыну», вообще стали всесоюзными шлягерами. Вершинным же достижением «Песняров» в работе с белорусским фольклором, на мой взгляд, стала программа календарно-обрядовых песен, премьера которой состоялась в 1980 году.

О программе календарно-обрядовых песен

— В этой программе мы хотели представить белорусские календарные обряды по временам года, как это было в народных традициях: начиная с зимы и дальше — весна, лето, осень... Для каждой поры года мы отобрали по несколько песен, которые стараемся как-то сюжетно обыграть. Материала мы собрали очень много — можно целую программу построить только на колядных песнях, на весенних, волочечных, купальских, но надо учитывать рамки концерта и где-то за час попытаться провести интересную сюжетную линию, чтобы захватить зрителя.

Я хотел бы подчеркнуть еще одну особенность программы календарно-обрядовых песен: она создана не для того, чтобы развлекать публику. Нам хотелось донести до слушателя что-то совсем новое, заставить его задуматься. Как у нас это получилось, это уже другой вопрос, может быть, кто-то бы сделал лучше, но мне кажется, показать такую программу мы обязаны. Хотя, к сожалению, не все ее восприняли, для части зрителей это оказалось нелегко, поэтому будем пересматривать свой подход к обработкам народных песен.

— **Не кажется ли Вам, что вы в данном случае идете на поводу у публики?**

— Мы не можем не учитывать восприятие публики. Некоторые слушатели нам говорили, что программа получилась тяжеловатая, хотя многим музыкантам

и нам она нравится. Там, правда, есть просчеты, которые мы видим и хотим исправить. Мы вообще хотим сейчас отдохнуть от народной песни. Может быть, со временем посмотрим на нее по-новому, отталкиваясь от наших первых работ. Хочется, чтобы после прослушивания нашей программы зритель запел белорусские народные песни, которые мы исполняем, чтобы они запали ему в душу. К сожалению, с программой календарно-обрядовых песен этого не произошло...

(1982 г.)

Действительно, композиции из этой программы народ не запел, стали популярными только «Калядачкі», но это совсем не значит, что слушатель не воспринял программу. Мне довелось быть свидетелем успеха «Песняров» при ее исполнении в московском концертном зале «Россия».

Вообще с программой колядно-обрядовых песен у меня связаны особые воспоминания, потому что именно на ее репетициях мне посчастливилось побывать. Помню, как «Песняры» долго собирались, настраивали аппаратуру — казалось, что делали они все как бы нехотя, с ленцой. Я недоумевала: неужели у них всегда так проходят репетиции? Откуда же тогда берется такое мастерское исполнение? Но вот, наконец, Мулявин назвал конкретную песню — и тут началось...

Вроде бы спели начало хорошо, но нет, что-то не понравилось. И вот пять, десять, двадцать раз повторяется одна фраза в поисках более точных интонаций. Причем такую требовательность проявлял не только руководитель ансамбля, а все его участники. Час шел за часом, а они все шлифовали одну песню. Мне со стороны казалось, что она уже почти совершенна, но музыканты были неудовлетворены и готовы бесконечно искать лучший вариант исполнения. Складывалось ощущение, что рабочие часы тут не считают, а для достижения нужного результата готовы трудиться сколько угодно. Я устала слушать, а они все пели и пели... Помню, как меня тогда поразили их работоспособность, выносливость, одержимость творчеством.

На мой взгляд, два крыла многие годы держали в полете художника Владимира Мулявина — любовь к белорусской народной песне и стремление к собственному композиторскому творчеству. Постепенно последнее стало перевешивать. Но это не значит, что он потерял равновесие — просто в своей творческой устремленности художник, образно выражаясь, из самолета превратился в стремительно набирающую высоту ракету. Проследить этот путь Мулявина-композитора, мне кажется, очень интересно, потому что он почти на каждом этапе удивляет неожиданными творческими находками и открытиями.

Когда я на Белорусском радио готовила передачу к 15-летию «Песняров» (1984 год), мне удалось отыскать и прослушать в фонотеке киностудии «Беларусьфильм» самые ранние записи ансамбля, который тогда еще назывался «Лявоньы». Честно говоря, эти записи вызвали улыбку, показались довольно наивными и смешными: ритм модных тогда танцев (твист, шейк), незатейливые тексты и аранжировки — невозможно поверить, что тут сам Мулявин приложил руку. Еще труднее — осознать, что буквально через несколько лет появится его «Александрына» на стихи Петруся Бровки. Фактически первое обращение молодого музыканта к белорусской поэзии родило шедевр национальной песенной лирики.

Правда, с определением «композитор» у Мулявина долгое время были проблемы. Помню, как некоторые члены Союза композиторов возмущались: «Какой он композитор?! Даже музыкальное училище как народник не окончил, не имеет консерваторского специального образования, не является членом Союза композиторов, а туда же!..» Тут современному читателю, думаю, надо пояснить, что в советские времена только член упомянутого союза мог называться композитором, остальные были просто авторами.

Так что по формальному признаку подобные оппоненты были в чем-то правы, но дай Бог иному дипломированному композитору написать хотя бы одну такую песню, как мулявинская «Александрына»! А после нее были «Завушніцы»,

«Марыся», «Не глядзі», песни из программы «Через всю войну». Можно сказать, что Владимир Мулявин — феномен, потому что, действительно не имея композиторского образования, он мог сочинить не только красивую мелодию (такое случается и у любителей), но и значительную развернутую композицию на целое отделение концерта со сложной драматургией, интересным гармоническим языком, изобретательными насыщенными аранжировками.

На первом этапе его композиторского пути плодотворной питательной средой для таланта Мулявина стала белорусская поэзия. Повторюсь, это поразительно, как приезжего человека, выходца из России, покорило, вдохновило и увлекло белорусское народное и авторское поэтическое слово.

О работе с белорусской поэзией

— Знаете, за годы, что я прожил здесь, этот язык уже вошел в меня. А если и возникают какие-то проблемы — у меня много знакомых литераторов, которые всегда помогут, посоветуют.

— **Вашей первой значительной композиторской работой была песня «Александрына», расскажите об истории ее создания.**

— Я написал ее очень быстро, потому что у нас появился солист, который мог бы спеть такую лирическую песню, — Леонид Борткевич, она написана специально для него. Но вдохновителем, конечно, была поэзия Петруса Бровки.

— **А с Бровкой Вы встречались?**

— Да, и он был доволен этой мелодией.

— **Несколько композиций Вы написали на стихи Максима Танка, непростого поэта для песенного жанра...**

— У Танка прекрасная лирика, хотя у него много белого стиха и писать на него нелегко. Но мне Максим Танк очень нравится, потому что он современный поэт. Как-то за один присест я написал на его стихи шесть песен — так нахлынуло на меня. Он был даже удивлен, что его стихи, которые никогда не ложились на музыку, так прозвучали. Первой я написал композицию «Аве, Мария». Потом появились «Завушніцы», которые стали очень популярны. Программной вещью у нас является «Готика святой Анны», а к авторскому концерту мною еще были написаны баллады «Пудзіла» и «Нефертити», но потом они ушли из программы.

В последнее время я перешел на цельные программы с одним сюжетом и, к сожалению, стал меньше писать песен. А раньше у меня был такой период, когда я писал только песни, много песен, которые никому не показывал. Но я и сейчас в неделю обязательно пишу две песни. Хотя бы для себя — без этого я не могу. Только мои домочадцы их слушают, пою их своему ребенку. Но в основном надо писать песни для программ. Когда я чувствую, что они могут туда не подойти, они остаются у меня «в столе». Мы стали к себе более придирчиво относиться — можно писать очень много, но это все будет не туда, не туда, не туда.

— **Вернемся к Вашей работе с белорусской поэзией. Мне кажется, особенно Вы полюбили Янку Купалу. Буквально с первых шагов «Песняров» в концертах ансамбля звучали песни на его стихи, потом в репертуаре коллектива появились такие крупные работы, как «Песня пра долю», «Гусяляр». Вы также активно участвовали в записи музыки Сергея Кортеса к фильму режиссера Бориса Луценко «Раскіданае гняздо» по пьесе Янки Купалы, где выступили вместе с оркестром Белорусского радио и телевидения. А к 100-летию поэта была подготовлена оригинальная, содержательная композиция «Я не паэт». На ней и хотелось бы остановиться подробнее. Какие критерии были у вас при составлении этой композиции, почему вы остановились именно на этих стихах?**

— В первую очередь, мы хотели показать разнообразие и многогранность творчества Купалы: в программе звучат и лирика, и юмор, и сатира. В трагедии,

После концерта во Дворце спорта.

в драматическом ключе мы уже показывали Купалу раньше, а сейчас захотелось раскрыть другие его грани — у нас все же эстрадный концерт, и мы хотели сделать эту программу более доходчивой.

— **А есть у Вас в ней любимая песня, самая близкая?**

— Да, «Марыся». Она написана в моих старых традициях плюс такие стихи Купалы! Наверное, это одна из лучших моих последних песен.

— **Мне показалось, что в этой композиции у «Песняров» появилось определенное новшество — усиленное внимание к развернутым инструментальным проигрышам, связкам. Чем это вызвано?**

— Во-первых, мы старались более ярко и образно донести поэзию Купалы. Во-вторых, это была первая программа, в которой как аранжировщики участвовали многие музыканты ансамбля. Я писал не все аранжировки, мне помогали ребята: Игорь Поливода, Валерий Дайнеко и Владимир Ткаченко. Они лучше знают современную музыку, и мне хотелось таким образом перекинуть своеобразный мост от поэзии Купалы в сегодняшний день. Это какая-то этапная для меня работа, которая меня вдохновляет. Я сейчас на подъеме, хочется писать и работать.

— **Судя по этой программе, у Вас есть такое редкое качество, как абсолютный слух к поэтическому слову. Почти все произведения, сочиненные Вами, написаны на очень хорошие стихи — содержательные, глубокие, гармоничные. Чем это вызвано: врожденным вкусом или Вы много читаете?**

— Наверное, больше чутье. Возьмем Купалу — разве мог он написать плохо?! Мне у него нравится абсолютно все, единственная загвоздка — отобрать то, что нужно, чтобы сделать интересную разножанровую программу. Как у него все музыкально! Он абсолютно близкий нам поэт, поэтому купаловская программа хорошо пошла, ее принял зритель.

(1982 г.)

Могу засвидетельствовать, что так оно и было. Мне удалось побывать на одном из премьерных показов этой программы в минском Дворце спорта. Огромный зал был полон, причем преобладала молодежная аудитория. То, как она воспринимает

На одном из концертов.

ла непростые, совсем не развлекательные композиции, честно говоря, немного удивило и порадовало. Ведь молодежь шла на эстрадный концерт современного популярного ансамбля и, наверное, не предполагала услышать подобное. Но талант Мулявина, аранжировщиков, всех музыкантов ансамбля, их влюбленность в поэзию Купалы заразили и молодых зрителей.

Если же говорить о художественном уровне программы «Я не паэт», то здесь Мулявин-композитор проявился, на мой взгляд, по-новому. Чем дальше он продвигался в своем развитии и развитии ансамбля, тем серьезнее ставились и решались творческие задачи. В купаловской программе, кроме озорной, танцевальной «Людкі», остальные номера назвать песнями трудно. Это развернутые, эмоционально и музыкально насыщенные композиции. Каждая из них решена по-своему — в соответствии с содержанием стихов Янки Купалы: «Марыся», «Не глядзі» — лирико-драматические баллады, едкую сатирическую зарисовку «Ну как тут не смеяться» и остросоциальный монолог «Разлад» вообще не знаешь, к какому жанру отнести. Да это и не важно — главное, какой сильный заряд они несут слушателю. Из наследия Купалы выбраны малоизвестные, незапетые, непростые по содержанию и стилю стихи. В этом выборе проявились не только оригинальный композиторский поиск, литературный вкус Мулявина, но и его человеческая, гражданская позиция, стремление призвать слушателя к размышлению, к сопереживанию. После программы «Я не паэт» такое направление в творчестве Мулявина будет разрабатываться в следующих программах — «Через всю войну», «Во весь голос».

Об эволюции творчества

— Владимир Георгиевич, Ваше композиторское развитие шло по нарастающей: от обработок белорусских народных песен к содержательным балладам на стихи русских и белорусских поэтов, а потом появились и более крупные формы, такие как «Ванька-Встанька» на стихи Евгения Евтушенко. Это по жанру что было?

— Что-то вроде развернутой баллады. Произведение музыкально получилось не длинное, просто сюжетно оно оказалось немного растянуто — надо было рассказать всю историю Ваньки-Встаньки. Думаю, что это баллада с музыкальными иллюстрациями. Где-то она была навеяна музыкой Мусоргского, Римского-Корсакова. Мне хотелось попробовать сделать такой своеобразный классический вариант, основанный на русском мелосе, но выраженный современным языком, с современной ритмикой. Кстати, я получил много писем с вопросом: почему «Песняры» не исполняют и не записали композицию «Ванька-Встанька»...

— **И почему?**

— Сначала у нас поменялся состав ансамбля, потом мы перешли на «Песню пра долю». А давать в одном отделении оперу, а потом во втором еще большую, 20-минутную, композицию мы не могли. Я считал, что навязывать свои серьезные баллады я не имею права. Люди пришли послушать еще и «Вологду», мы же не можем игнорировать желания публики.

— **А «Песня пра долю» — это рок-опера?**

— Нет, скорее фолк-опера. Я боюсь слова «рок», его любят употреблять маленькие мальчики, которые смело берутся за все и говорят: это рок, определяют свои опусы именно таким жанром. Может, потому, что слово иностранное, броское и звучит модно. Все-таки мы занимаемся фольклором и будем заниматься им, а ритмическая основа — это еще не содержание... Потом после «Песни пра долю» у нас был «Курган».

— **Как вы пришли к такому сложному масштабному произведению?**

— У нас давно была такая идея с Игорем Лученком, после того как он показал мне свое сочинение. Когда мы с ним были в Америке, у нас с собой оказался сборник Янки Купалы. Стали перечитывать его, вспоминать уже написанную Игорем музыку, обсуждать, что можно сделать вместе, и пришли к такому варианту. Приехали домой — пересмотрели весь материал: у Игоря кантата оказалась сокращенной, решили додольвать ее, серьезно подойти к этой теме. В то время для такой сложной работы у нас не хватало музыкантов — у Лученка кантата написана для большого оркестра и хора, надо было как-то достойно аранжировать его музыку, чтобы это было доступно по форме подачи для эстрадного концерта и в то же время не примитивно. Где-то в течение года мы с Игорем работали над «Курганом», он дописал много кусков, я все аранжировал. Мы увлеченно работали над этим произведением и с удовольствием исполняли его. Такой эксперимент можно было исполнять, но не долго. Для подобных развернутых серьезных работ есть оперные театры, симфонические оркестры, хоровые капеллы, прекрасные исполнители. То есть мы начали вклиниваться не в наш жанр. Потянуть его мы могли, но долго оставаться в нем — нет. Где-то мы, работая в этом направлении, перемудрили, усложнили — надо было искать другие формы. Не скажу, что купаловская композиция «Я не паэт» проще, ее музыкальный язык очень непростой, но по форме она воспринимается легче, потому что состоит из завершенных разнохарактерных номеров без общей сюжетной линии. Это уже эстрадное решение. Мы же все-таки работаем в жанре эстрады, где одну трагедию на целое отделение давать не вполне естественно. Может быть и такое, но не как система. Мы два года исполняли «Курган», а основная часть нашей публики мало что там поняла. Когда нас приходили поздравлять, благодарить после концерта, мы спрашивали: «Про что это произведение?» Нам отвечали: «Что-то про партизан». Представляете?! Люди не понимали, о чем мы поем, хотя в этой композиции для меня было очень важно, чтобы текст доносился ясно и перед исполнением было пояснительное вступление. Оказывается, ничего этого зрителю не нужно. Он слушает музыку — и все. Но есть же еще купаловское слово! Мы не ради музыки брали его поэзию, а для того, чтобы донести ее содержание! Поэтому мы пересмотрели свои позиции и решили немного изменить, упростить форму.

— **В будущих таких крупных работах вы не думаете прибегнуть к какому-то сценическому действию? Мне кажется, это бы помогло более сильному эмоциональному воздействию ваших композиций на зрителя-слушателя...**

— У нас были попытки. Но, например, в «Кургане» мы категорически отказались от этого, потому что все перипетии сюжета проиллюстрировать просто невозможно. В данном случае мы хотели акцентировать внимание на музыке и поэзии. А мысли сделать программу с интересным сценическим решением есть.

— **Если говорить об эволюции ансамбля, то тут, мне кажется, имеется тенденция к увеличению роли инструментальной составляющей, особенно в крупных работах. В «Песняры» пришли очень сильные инструменталисты с консерваторским образованием, все заметнее развернутые инструментальные проигрыши во многих композициях. Не думаете ли вы вводить какие-то самостоятельные сольные инструментальные эпизоды в свои концерты?**

— Хочется, конечно, показать ребят, они очень способные. Мы ведь много поем в концертах, и вокал у нас очень сложный — не думаю, что какая-то другая группа могла бы петь так насыщенно по тесситуре весь концерт. Поэтому, конечно, для разнообразия программы мы с удовольствием сделали бы это, но пока не можем найти свой почерк, свое лицо в этой области. Для себя мы играем инструментальные пьесы, но еще не чувствуем, что это наше, и не выносим подобные эксперименты на суд публики.

— **Хотелось спросить и о вашей работе с белорусскими композиторами.**

— Мы постоянно пытались наладить такую связь, но это, к сожалению, получалось не всегда удачно, кроме Юрия Семеняко и Игоря Лученка. С Игорем нас вообще связывает большая творческая дружба. С самого начала он нас понял, хотя мы были молодым, никому не известным коллективом, и специально для нас написал песню «Хатынь». Мы успешно выступили с ней на Всесоюзном конкурсе в Москве, и с того времени нас связывает творческая дружба. Он нам периодически показывает свои произведения, что-то мы отбираем, оставляем. У нас в концертах почти всегда звучат песни Игоря Лученка. Знаете, Игорь самый близкий для нас автор по стилю, по ощущению поэзии. Он, как и мы, очень серьезно, критически относится к стихам — и у нас всегда звучат хорошие стихи, которые Лученок подбирает к своим песням. Он, на мой взгляд, как ни один другой композитор близок к белорусскому мелосу. Прекрасно знает фольклор: мы не раз с ним ездили по деревням, где собирали народные песни. Он нам очень помог в наших работах, и мы рады, что у нас за это время выработался определенный почерк, который где-то сформировало влияние Лученка на нас, где-то — «Песняров» на Лученка.

Что же касается остальных... Часто приходится слышать от них упреки, что, мол, Мулявин не композитор, а большую часть программ строит на своей музыке. А что же нам делать, если композиторы не пишут значительных, интересных композиций на целое отделение, в которых нуждается ансамбль «Песняры»?! Поэтому приходится мне заниматься этим, хотя я бы с удовольствием уступил это место другому автору.

(1982 г.)

Важным этапом в творческой биографии Владимира Мулявина стала программа «Через всю войну», которую ансамбль «Песняры» подготовил к 40-летию освобождения Беларуси и Минска от фашистских захватчиков. Это был 1984 год, премьера состоялась в Концертном зале Белорусской государственной филармонии. Помню, как в тот вечер мне совсем не хотелось идти на концерт, сидеть час в душном зале и слушать, как казалось, тяжелую программу. Признаться, что открытый в ее решении ансамблем «Песняры» я не ожидала — слишком уж много было про войну сказано и спето. Но я ошиблась. Буквально с первых звуков и до последнего аккорда «Песняры» держали зал в напряжении. Временами устанавливалась какая-то священная тишина, многие слушатели не могли сдерживать слезы, в конце долго не отпускали музыкантов. Невозможно было равнодушно смотреть и на то, как восприняли эту программу ветераны Вели-

кой Отечественной войны, которых пригласили на премьеру. Надо было видеть, с какими взволнованными лицами они поднимались на сцену, чтобы вручить музыкантам цветы, как сердечно благодарили «Песняров». О себе могу сказать, что после концерта идти домой не хотелось, и я долго бродила по Минску, вспоминая фрагменты композиции.

О программе «Через всю войну»

— Это для нас была самая тяжелая работа. О войне много стихов написано, выбор был очень большой, но надо было найти такие, чтобы были тебе по душе, чтобы в них не чувствовалось фальши. Ведь можно было пойти по более легкому пути и сделать программу по знакомым песням военных лет, но «Песняры» все-таки творчески и человечески выросли, и нам захотелось сказать о войне именно своим музыкальным языком на основе хорошей поэзии. Примерно полгода ушло на поиск стихов и сценарное решение. Хотелось показать хорошую поэзию, но в то же время доступную, чтобы она была понятна с первого раза, поскольку публика приходит на программу, как правило, один раз. В результате, в качестве сценариста мы пригласили профессионального литератора, известного белорусского поэта Валентина Тараса, который специально для этой программы написал несколько стихотворений, их дополнили стихи советских поэтов: Александра Твардовского, Александра Прокофьева, Семена Гудзенко, Михаила Кульчицкого, а также белорусских поэтов Янки Купалы, Рыгора Бородулина, Эди Огнецвет и Наума Кислика. Конечно, у нас с Тарасом случались творческие споры, но работать с ним было приятно — он хорошо знал войну, интересно рассказывал о ней, он нас вдохновлял в этой работе. Я очень доволен, что познакомился с ним — сначала с его поэзией, а потом и как с человеком. Рад, что мы осилили эту программу.

— **Расскажите, пожалуйста, о ее драматургии.**

— В программе отражены разные периоды войны, но связи между стихами нет — есть личное отношение к этой теме и сопереживание. Нам не хотелось делать программу только минорной и тяжелой — все-таки коллектив у нас эстрадный, концертный, а это диктует свои правила существования на сцене. Да и во время войны были не только трагедии — люди жили, любили, радовались, надеялись. Поэтому мне хотелось показать их жизнь в самых разных обстоятельствах.

— **Владимир Георгиевич, а Вы войну помните? Откуда у Вас такое ее понимание?**

— Войну я, конечно, не помню, помню только пленных, помню песни тех лет и то, как они исполнялись. Они все у меня на слуху, начиная с Руслановой, Утесова, других наших выдающихся певцов того времени. Чего сейчас, может быть, не хватает современным исполнителям, это той искренности, с какой тогда пели люди. Не то, что сейчас певцы хуже, — нет. Но той теплоты, что была в те времена, я не слышу. Я слышу то ли какую-то напыщенность, то ли псевдолиричность, какую-то фальшь в выражении чувств.

— **А из песен военных лет у Вас есть любимые?**

— «Темная ночь» Никиты Богословского... да разве мало хороших песен было создано тогда? Очень много! И они при сочинении этой программы звучали во мне. Цитаты из них я не использовал, кроме одной — в конце программы звучат интонации популярной в то время песни Исаака Любана со словами «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина...».

— **Когда я наблюдала за музыкантами ансамбля «Песняры» на концерте, чувствовалось, что они буквально живут этим. Некоторые из них довольно молоды, а такое ощущение, что они пережили войну сами. Как они работали?**

— Была проведена хорошая беседа (смеется. — *И. М.*). А если серьезно — однажды я сказал, что у меня есть идея сделать такую программу, спросил: как ансамбль к этому отнесется? Куда будем двигаться после Купаловской компо-

зиции? Каждый из членов ансамбля прошел серьезный отбор, чтобы попасть в коллектив, это люди с определенным опытом, с профессиональными навыками, музыканты, которые имеют большой диапазон и могут поднять любую программу. Вопрос я поставил так: «Что будем делать дальше: какие-то современные песни и баллады или серьезную программу на военную тему?» И все ответили: «Только эту программу. Мы беремся за нее». Не было абсолютно никаких возражений.

(1984 г.)

Еще об ансамбле и немного о себе

— **Владимир Георгиевич, состав вашего ансамбля несколько раз менялся. А какими качествами надо обладать, чтобы стать песняром?**

— Надо быть преданным нашему делу, так же как мы, основоположники коллектива, так же любить народную песню и музыку, которой мы занимаемся. Это должен быть, в первую очередь, профессиональный музыкант, потом мы уже смотрим на его человеческие качества, потому что мы много времени проводим вместе на многочисленных гастролях, у нас, можно сказать, семья, поэтому не последнее место занимают человеческие качества члена группы. Если мы берем человека, значит, это надолго, и желательно, чтобы он влился в наш коллектив. Что до профессиональных качеств, то тут важно, чтобы каждый член ансамбля был не просто исполнителем (пусть даже и хорошим), важно, чтобы он был творческой личностью, что-то свое привносил. Безынициативность и равнодушие убивают творчество, наше дело не должно превращаться в службу. У нас каждый имеет право высказывать свое мнение. В ансамбле 12 человек — это 12 характеров, с мнением каждого надо считаться. Если принимается коллективное решение, то оно обязательно для всех. Я очень рад, что нашел своих единомышленников.

— **То есть музыканты «Песняров» не пассивные исполнители Вашей воли как руководителя, а активные соучастники творческого процесса?**

— Конечно.

— **А с чем вы выходите к публике?**

— Мы хотим доказать правоту своего дела. Наша задача — убедить человека, который пришел на концерт «Песняров», в том, что музыка, которую мы выносим на суд публики, любима нами, мы ее понимаем и хотим донести до слушателя. То есть у нас есть основание, чтобы исполнять в концерте не только песни типа «Вологды», а и такие масштабные работы, как, например, «Курган» или «Я не паэт».

— **Благодаря «Песнярам» по всему Советскому Союзу узнали и запели белорусские песни. А если говорить о других исполнителях в вашем жанре, есть среди них те, которые Вам нравятся?**

— Я должен видеть на эстраде людей, которым верю, — тогда я начинаю воспринимать музыку. Может быть, исполнитель поет о святых для нас вещах, а я вижу его глаза и не могу ему поверить, чувствую какую-то фальшь, вижу, что он озабочен только внешними, у кого-то подсмотренными эффектами, — конечно, мне это не нравится.

— **Так Вас никто в современной эстраде не привлекает?**

— Почему? Есть мастера, профессионалы. Когда это хорошо и профессионально сделано, я с удовольствием слушаю. Но мне больше нравятся джазовые инструментальные ансамбли.

— **А если говорить о классической музыке? Приходится ли Вам ее слушать?**

— Конечно. Но, к сожалению, редко, потому что все время уходит на свой жанр. Если бы у нас работы было меньше, я бы с удовольствием слушал классику. Ну что может быть лучше для вдохновения, чем классическая музыка?! У меня есть мечта: когда я буду более-менее свободен, стану посещать классические концерты.

— **Самому исполнить что-то классическое не хочется?**

— Об этом я даже и не мечтаю. Хотелось бы, конечно, организовывать такие музыкальные вечера, где бы наши ребята исполняли классику. Ведь в «Песнях» все музыканты образованные: прекрасный скрипач Борис Бернштейн, отличный пианист Игорь Поливода, гитарист и скрипач Владимир Ткаченко, — все окончили консерваторию и, конечно, могли бы участвовать в таких концертах, хотя бы раз-два в год их проводить. Есть у нас такая мечта. Может быть, благодаря этому молодежь, которая ходит на наши выступления и не ходит на классические концерты, заинтересовалась бы классикой.

— **Мне кажется, в вашем творчестве вообще прослеживается такая просветительская линия...**

— Да, есть такое стремление. Кроме этого, нам хотелось бы, чтобы и дальше развивались наши традиции, любовь к народной поэзии, к белорусской народной песне, к белорусской музыке вообще.

— **Владимир Георгиевич, мы все с Вами говорим о творчестве, об ансамбле «Песняры», хотелось бы задать Вам и несколько личных вопросов. Что Вы больше всего цените в людях?**

— Конечно, искренность, порядочность. Если эти качества есть у человека, его уже можно любить.

— **А в музыкантах?**

— Преданность музыке, даже фанатизм какой-то. Музыка ни в коем случае не должна быть работой, она должна оставаться любимым делом до конца жизни.

— **Ваше любимое занятие кроме творчества?**

— Музыка.

— **И в свободное время тоже?**

— Да.

(1984 г.)

Такая увлеченность своим делом восхищает. Действительно, Владимир Мулявин жил музыкой, честно служил ей, был предан ей до конца, и эта искренняя любовь вызывала ответные чувства у благодарных слушателей... Хотя постижение его истинного таланта, на мой взгляд, еще только начинается.

Фото Евгения КОКТЫША.

ПАВЕЛ ШПИЛЕВСКИЙ

**Описание посольства Льва Сапеги
в Москву в 1600 году**

В 1850 году в «Журнале Министерства Народного Просвещения» вышла статья Павла Шпилевского «Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году». Обращение к исторической тематике было у писателя не случайным. Во время своих многочисленных путешествий по Беларуси Шпилевский не упускал случая для осмотра помещичьих библиотек и книжных сокровищ, которые хранились в церквях, монастырях и костелах. Хорошее знание языков позволяло ему читать книги, акты и хроники в оригинале и делать выписки для своих работ.

Проезжая через Меречевщину — родину предводителя восстания 1794 года Тадеуша (по метрике Фаддея) Костюшко, что на Слонимщине, Шпилевский не мог обойти своим вниманием богатейшую библиотеку Вандалина Пусловского. Одной из жемчужин этого собрания была рукопись секретаря посольства канцлера ВКЛ Льва Сапеги в Москву Ильи Пельгржимовского, которую владелец библиотеки случайно приобрел в Варшаве на распродаже книг одного ученого. Рукопись находилась под обложкой книги «Сборник панегириков и разных незначительных писем» и сохранилась не полностью. Однако и то, что осталось, представляет несомненный исторический и научный интерес.

Какие же политические события предшествовали посольству Льва Сапеги и какова была цель этого посольства? Целью посольства было заключение «вечного» мира с Россией, где к власти пришел Борис Годунов. Сапега, как дальновидный политик, мечтал о сближении двух христианских церквей: католической и православной. Скольких войн удалось бы избежать, если бы это свершилось! Однако в вопросах веры ни одна из сторон не хотела уступить. Обратимся к Владимиру Соловьеву: «Царствование Бориса относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде вследствие этого самого союза; Сигизмунд польский воевал с дядею своим, Карлом шведским, в котором видел похитителя своего отчинного престола. Годунов дал знать Сигизмунду о своем воцарении через думного дворянина Татищева; в Польше решили отправить в Москву для переговоров уже бывалого там и славного своею ловкостью в делах канцлера литовского Льва Сапегу, к которому приданы были Станислав Варшицкий, каштелян варшавский, и Илья Пелгржимовский, писарь Великого Княжества Литовского. 16 октября 1600 года въехал Сапега в Москву с обычным торжеством...

...Итак, вместо условий вечного мира посол Сигизмундов предложил условия союза, и союза, приближавшегося к объединению двух государств в одно. Цель Сигизмунда и советников его, иезуитов, при этом была ясна: если бы царь московский принял условия, то этим отворил бы в свое государство дорогу для

католицизма. Бояре отвечали послам, что статьи о союзе оборонительном и наступательном, о выдаче перебежчиков, о свободной торговле могут быть приняты по заключении вечного мира, для которого прежде всего надобно решить вопрос о Ливонии, искони вечной вотчине государей российских, начиная от великого князя Ярослава. Что же касается до других статей, поданных Сапегою, то государь не может согласиться, чтоб поляки и литовцы женились в Московском государстве, приобретали земли и строили церкви латинские, но не запрещает им приезжать, жить и оставаться при своей вере; о том, кому после кого наследовать престол, говорить нечего, потому что это дело в руках Божиих; при царском венчании возлагать корону принадлежит духовенству, а не светским людям. Начались жаркие споры о главном предмете, о Ливонии. До чего доходили бранные речи, видно из следующего разговора Сапеге с думным дворянином Татищевым. Татищев: «Ты, Лев, еще очень молод; ты говоришь все неправду, ты лжешь». Сапеге: «Ты сам лжешь, холоп, а я все время говорил правду; не с знаменитыми бы послами тебе говорить, а с кучерами в конюшне, да и те говорят приличнее, чем ты». Татищев: «Что ты тут раскричался! Я всем вам сказал и говорю, и еще раз скажу и докажу, что ты говоришь неправду». Тут Сапеге обратился к боярам с жалобою на Татищева, и те велели последнему замолчать. Но когда Сапеге, чтоб уклониться от споров о Ливонии, сказал, что не имеет никакого полномочия говорить о ней, то Татищев не утерпел и снова закричал: «Не лги, мы знаем, что у тебя есть полномочие». Сапеге отвечал: «Ты, лжец, привык лгать, я не хочу с таким грубияном ни сидеть вместе, ни рассуждать о делах». С этими словами он встал и вышел. Послов польских задерживали нарочно, ибо ждали шведских. Наконец шведские послы, Гендрихсон и Клаусон, приехали, и их нарочно провезли мимо дома, который занимал Сапеге с товарищами. Польским послам бояре объявляли, что Карл шведский уступает царю Эстонию и сам поддается Москве, а шведским послам было объявлено, что Сигизмунд уступает царю часть Ливонии, если только Борис будет воевать с королем; этим объявлением думали испугать шведов и принудить их к уступке Нарвы; но шведы не поддались и настаивали, чтоб последний договор был сохранен ненарушимо. Вследствие этих переговоров Сапеге держали до августа 1601 года и, наконец, заключили с ним двадцатилетнее перемирие, причем в грамоте не написали Сигизмунда шведским королем. Сапеге уехал озлобленный, вменяя себе, впрочем, в важную заслугу то, что успел порвать связь Годунова с Михаилом, воеводою волошским, который домогался польского престола и заключил было тайный союз с царем, обещавшим помочь ему в его предприятии».

Это точка зрения русского историка. Сапеге же был доволен результатами своего посольства: в сложный для своей родины исторический момент ему удалось заключить 20-летний мир, который, впрочем, был прерван из-за начавшейся Смуты...

В «Баркулабовской хронике» осталось следующее сообщение об этом посольстве: «Року 1600, месяца септеврия 18, в че(тверто) к пан Ян Варшавский, также его м(и)л(ость) пан Лев Сапеге, канцлер литовский, староста Могилевский, на Москву до царя восточного князя Василия Годунова послами ходили и с ними княжат, панов зацных множество. И мешкали на Москве недель 20. Тамо же приняли примере на год 20». Автор хроники перепутал имена Бориса Годунова и Станислава Варшицкого, каштеляна варшавского.

Отметим еще одну деталь: текст «вечного» мира, который предлагало ВКЛ, — один из последних документов, написанных на старобелорусском языке. Вскоре его заменил польский...

А теперь обратимся к самой статье Павла Шпилевского.

Известно, что дневники при посольствах велись обыкновенно самими Послами, Секретарями или вообще очевидцами, и потому, будучи сохранены в целости, впоследствии могли бы служить вернейшими пособиями для Истории. Но как цель посольства или содержание этих дневников не всегда могли в свое время подлежать общей известности, то дневники таких посольств не только не были печатаемы, но даже хранимы были в архивах как можно дольше. Понятно после этого, почему немногие из этих дневников сделались известны весьма недавно, а некоторые или пропали, или же лежат в забвении. Посему надеемся, что не без пользы останется намерение наше представить здесь краткий очерк посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 и следующих годах, составленных по дневнику Секретаря при посольстве Ильи Пельгржимовского¹, тем более, что эту рукопись, вероятно, считают потерянною², а о самом посольстве историки или вовсе не знают, или, если знают, то очень, очень недостаточно. Один Когновицкий, говоря о жизни Льва Сапеги, описал это посольство³, но если сравнить и его описание с записками Секретаря, то увидим, что он вовсе не видал дневника Пельгржимовского, хотя и был в библиотеке Залуских, как свидетельствует Яновский⁴. Рукопись этого дневника хранится в библиотеке Г. Вандалина Пусловского, в Меречевщизне⁵, богатой историческими сочинениями и доступной всякому любознательному. Рукопись эту, хотя и не в целости, добыл В. Пусловский случайно в Варшаве, на публичной продаже книг одного ученого: он нашел ее под оберткою одной из купленных им книг в листе — именно: «Сборник панегириков и разных незначительных писем». Рукопись начинается с того места, где подробно говорится о назначенной для Послов провизии на дорогу из Смоленска в Москву, а оканчивается четвертым заседанием, в котором читаны были опровержения возражений Бояр против условий вечного мира и союза. Жаль, что нет начала, в котором, вероятно, говорится о цели в побуждениях посольства, о прибытии Послов в Смоленск и (как видно из остатков этого дневника) о их пребывании там в споре с Воеводою Смоленским. Но еще более жаль, что нет окончания; там, без сомнения, говорится о заключении 20-летнего мира, об измененном намерении Царя действовать вместе с Воеводою Волошским Михаилом против Польши, и описывается пребывание Послов в Москве, их выезд и возвращение на родину.

Чтобы представить описание посольства Льва Сапеги в целом составе его, мы пополним словами Когновицкого утраченные места дневника Пельгржимовского, но тут же заметим, которые места взяты из Когновицкого и которые из дневника Пельгржимовского.

¹ Илья Пельгржимовский-Пелеш (см. Несецкого Коропа III, стр. 586) был секретарем в Великом Княжестве Литовском, и Юрбургским Лесничим; в 1588 году был послан в Краков от имени Литовцев для присяги в верности новоизбранному Королю Сигизмунду III; в 1590 году был управляющим Королевских имений в Лифляндии; в 1598 участвовал в Комитете раздела границ между Курляндию и Брагавским уездом; в 1600 году отправился при Посольстве с Львом Сапегою и Станиславом Варшицким в Москву, которое и описал в своем дневнике. Умер в конце 1610 года. Юшинский (*Dikczonarz poetów*, Т. II, стр. 59) приписывает ему сочинение: *De heroibus etc., liber unus. Ad serenissimum et invictissimum D. D. Stephanum Dei gratia Regem Pol. etc...* Cravorio, in officina Jacobi Siebencycher 1585 in 4-to. Сочинение это писано частию стихами, частию прозою. Герои эти начинаются с Адама и Евы и оканчиваются Артаксерксом Лонгиманом. Ни цель, ни основание этого сочинения непонятны. Замечательно оно более в типографическом отношении: ибо по времени издание весьма изящно.

² Смот. *Historia Litteratury*, Т. I, стр. 64.

³ *Wydanie Mostowskiego* 1805, стр. 200—205.

⁴ Меречевщизна, в Слонимском уезде Гродневской Губернии. Место рождения Фаддея Костюшки, как видно из метрики, хранящейся в местечке Косове.

⁵ *Excerpta literaria*, pag. 104, и *Specimen catalogi codicum M. S. Biblioth. Zyluscianas*.

Когновицкий в описании жизни Льва Сапегы¹ говорит: «Общим мнением Короля (Сигизмунда III) и народа было то, что трактат о 10-летнем мире, заключенный Львом Сапегою и потерявший силу по смерти Царя Феодора, не иным кем мог быть возобновлен на дальнейшее время, как только им же, этим мужем, сведущим в политических переговорах». А великий политик своего времени Варшевицкий², от имени всего народа приписывая одному Сапеге усмирение возмущений в Риге и беспорядков в княжестве Лифляндском, с следующими словами обращается к нему: «Тебе, а не кому другому, должно быть опять поручено посольство в Москву». Согласно с желанием народа, король назначил в это посольство Великого Канцлера Княжества Литовского Льва Сапегу, давши ему в помощь двух товарищей.

27 сентября 1600 года Лев Сапега, вместе с Вице-Послами — Варшавским Каштеляном Варшицким и Секретарем Великого Князя Литовского Ильею Пельгржимовским, также с большим числом Дворянства, в обществе которого были Князь Ярослав Друцкий-Соколинский, Староста Усвятский, Оршанский Земский Судья Андрей Воропай, Витебский Воеводич Иван Сапега, Михаил Фронцевич, Иван Пасек, Петр Дунин, Иван Борущкий с многочисленною прислугою, которую распорядился Божиминский, в почтовых экипажах выехал из Орши. На границе московской Приставы Нелюб и Козарин с несколькими тысячами конвоя встретили Послов, а за полмили пред Смоленском выехал к ним навстречу сам Воевода Смоленский с 3000 конвоя и первым приветствовал Польских Послов. Между тем, в Смоленск послан был вперед от Царя Нарочный Пристав Посмык Григорьевич Огарев, который приготовил для Послов квартиры и распорядился насчет дальнейшей дороги их из Смоленска.

Далее по дневнику Пельгржимовского. «Из описания провизии, назначенной Польским Послам на дорогу из Смоленска в Москву, видно, что в составе этого посольства кроме знатных особ находилось 100 человек прислуги, да еще 300 человек другой какой-то прислуги, и черни 700 человек, на которых отпущено было для дороги кроме говядины, рыбы и конопляного масла — 130 четвертей овса, 130 колываг сена, 75 возов соломы и множество меду, водки, пива и квасу, романей, также немало разных кореньев: шафрану 2 гривны (мерки), имбирю 3 гр., гвоздики 2 гр., перцу 4 гр., дров 44 воза». Приведем еще следующую выписку из дневника: «Для Старшего Посла Канцлера (Сапегы) — погребец, в котором романей 1 штоф, сивухи 1 шт., ренского вина 1 шт., вишневого меду 1 шт., малинового 1 шт., отборного 1 ведро, паточного 1 в., белого 1 в., медового квасу 1 в., лучшего вина 1 в., простого 1 в.». С таким дорожным запасом посольство отправилось в четверг, 5 октября, в дорогу — к Дорогобужу чрез Пнев (дорога была большею частью нехороша и перерезана частыми мостами). За полторы мили пред Пневом послы переправились чрез Днепр на плоту, пригнанном к ним с левой стороны реки, где в устье ее впадает другая маленькая речка; в этом месте, на горе, Днепр был не слишком широк и глубок, и потому лошади пустились вплавь, а экипажи перевезены на парамах. Более трех часов посольство переправлялось, и уже пред закатом солнца стало на месте».

Из описания дальнейшего путешествия послов сообщим только о том, что нам кажется более достойным внимания. «Из Дорогобужа (7—8 октября) чрез Колпиту прибыли Послы Польские в Вязьму 9 октября. Тут Приставы вышли к ним навстречу и обещали дать все, чего ни потребуют, только бы не обвиняли их ни в чем пред Государем. А о воеводе Смоленском сказали: «Он не хотел вам сразу дать выгодного постоя, и за то на него крайне разгневался Великий Государь. Прежде мы вам давали 13 коров, а теперь дадим 14 или 15. Баранов прежде давалось 27, а теперь 30; гусей не было в реестре, а теперь будут; овса было 130 четвертей, теперь будет больше; подвод было 70, теперь будет — 90 или 100 — при этом постоянно твердили: — Приказывайте и все до излишества получите».

¹ Т. I. стр. 200.

² Kognowick, стр. 201.

Обещали заплатить и за удержанный постоя. 10 октября Послы были в Зазерьи, 12-го в Можайске. Под Можайском по левой стороне, за полмили от дороги, приставы указывали на каменный монастырь на реке *Ваколочи*; подъезжая к самому Можайску, по правую сторону дороги (за милю и дальше от дороги), Послы видели дворец Государя Московского, построенный им, когда он был еще правителем, — дворец чудной работы: его называли *Бароново Городище*. 14 октября прибыли в Кубинск, 15-го — в Мамонов; за 4 мили пред Мамоновом, послы рассматривали прекрасный, собственный Государя Московского дворец, построенный наподобие замка, с острогом и бастиянами кругом, во вкусе Московском: дворец этот также построен Государем в то время, когда он был только правителем; называется он — *Вязёма*. В виду самого дворца построена каменная церковь замечательного размера, с несколькими куполами, крытыми жемчужью, с позолоченными крестами. С позволения Приставов, Великий Канцлер с некоторыми другими спутниками вошел в церковь и слушал обедню; внутри церковь отделана чудно и необыкновенно богато. 16-го — отправились в дорогу к Москве. Под самую столицу у моста ожидали уже Послов Польских приехавшие верхом от имени Царя Князь Андрей Васильевич Елецкий и Дьяк Постник Дмитрович с свитою и 2000 лошадей. После взаимных приветствий Послов проводили чрез лучшие улицы Московские в назначенные им квартиры. На следующий день произошли небольшие споры и недоумения; прежде всего никому из посольства не позволено было выходить из своих квартир; затем аудиенцию откладывали со дня на день, под предлогом, что Государь занемог болью в ноге. Наконец объявлено было, чтобы при поднесении ему подарков не забыли и сына его. Послы согласились и тотчас представили список подаркам. Но лишь только Приставы увидели, что в списке опущен титул Царя, то очень оскорбились, и вследствие того опять несколько дней прошло без аудиенции.

16 октября сгорело несколько домов возле посольской квартиры. Послы жаловались Приставам Князю Елецкому и Дьяку Димитрию, что их держали в тесной квартире и что вокруг их дома было множество соломы, как будто для того, чтобы их самих сжечь; «Сохрани Бог нас от этого, — говорил Сапега, — трудно было бы избежать опасности; если еще далее будут держать нас в таком тесном месте, то мы принуждены будем сами подумать о себе». Приставы обиделись за выражение — подумать о себе¹ — говоря, что это слишком высокомерно и не к добру сказано; и на другой день, в Воскресенье, не были у Послов. Когда же они пришли к послам 20 октября, то споры и несогласия дошли до того, что уже Послы не хотели видаться с ними целые четыре дня. Наконец, при посредстве Государственного Дьяка Щелкалова, отведена была Послам квартира просторнее, и 20 числа назначена аудиенция у Царя.

26 октября, в воскресенье, утром, после молебствия, в сопровождении Приставов, посольская свита в первый раз поехала во дворец Царский; вместе с нею отправились и слуги их верхом, а также пешком и мальчики². Вслед за Канцлером Сапегою и его помощниками ехали прочие Дворяне в два ряда, а между ими в середине пажы несли подарки: вся дорога, по которой Послы должны были проходить (от квартир их до дворца), уставлена была по обе стороны Московскими Стрельцами весьма часто, так что их можно было насчитать более полтретьи тысячи человек. Послы сошли с лошадей у самого главного Княжеского подъезда возле Благовещенской церкви, очень богато отделанной снаружи и внутри, с позолоченными куполами; и Приставы проводили их чрез притвор церковный прямо к царским палатам, где находился сам Князь с Думными своими Боярами. На протяжении всей лестницы по обеим сторонам ее и на крыльце, прямо до самых палат Царских, расставлены были Боярские дети и

¹ Przemyslać o sobie.

² По словам Когновицкого, послы ехали верхом, а впереди их шли пешком по 6-ти в ряд мальчики, которыми командовал на лошади Адам Лукашевич.

иностранцы¹. Взошедши на крыльцо, Приставы настаивали, чтобы Дворянство шло не вперед, как это бывает у вас (поляков), а за послами. Пред палатскими сенями Послов встретили Князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский и Нелюб Семенович, а в самых сенях — Окольный Князь Василий Дмитриевич и Дьяк Родион Васильевич, которые и проводили их в самые палаты Царские (сами, впрочем, шли впереди Послов). В палатах Царских застали Великого Князя сидящим на троне в венце; в руке у него были скипетр и держава; возле него по правую руку сидел сын его, а вокруг сидело много Думных Бояр и Дворян в парчовых одеждах². Пред самым Великим Князем и его сыном стояли четыре оруженосца, два с одной стороны и два с другой, в белых горностаевых епанчах мехом вверх, в белых шапочках и сапогах, с топориками. Государственный Дьяк Василий Яковлевич Щелкалов доложил Великому Князю, что Послы Короля Польского Сигизмунда III, с согласия его, пришли поцеловать ему руку. После этого Канцлер Сапега начал объясняться с Царем: «Божиею милостию, Король Польский Сигизмунд III прислал нас (Послов) поклониться тебе Великому Государю и Великому Князю всея России Борису Феодоровичу, и велел наведаться о твоём здоровье». Потом Сапега подал письмо от Короля Государственному Дьяку Щелкалову, который читал его Великому Князю тихо. По прочтении письма Великий Князь привстал с места своего и спросил у Сапег: «Здоров ли Король Сигизмунд?» Сапега отвечал, что он оставил его в добром здравии. Затем Василий Щелкалов сказал Послам: «Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Феодорович, Самодержец всея Руси, прочел и понял письмо вашего Короля; говорите же дальше, что вам поручено...» Тут началась в полном смысле Царская аудиенция. Прежде всего Канцлер Сапега сказал следующую речь: «Ты прислал к нам Посланника своего Думного Дворянина и Ясельничего, — Можайского Наместника Михаила Игнатьевича Татищева и Дьяка Ивана Максимова с известием, что Божиею волею скончался зять твой Великий Государь и Великий Князь Феодор Иоаннович, последний потомок Великих Государей и Великих Князей Московских. А на трон Московский вступил ты, Великий Князь Борис Феодорович, и желаешь, чтобы все клонилось к благоденствию христианства. Зная, что сам всемогущий Бог избирает Государей и Князей и поставляет на царство кого хочет, а следовательно, и тебе, Борису Феодоровичу, даровал возсесть на великом престоле Московском единственно по святой Своей воле, и при том видя доброе твое намерение и доброе хотение, которое ты высказал пред нами чрез своего Посланника, поздравляем тебя с восшествием на этот престол, и желаем тебе много лет прожить в милости у Бога и благом союзе с нами. Божиею милостию Его Королевское Величество Великий Государь Сигизмунд III и проч... — велел сказать тебе Великому Государю и пр... Самодержцу всея Руси... Борису Феодоровичу: «Чрез того же Посланника... ты сказал, что ты, Самодержец всея Руси Борис Феодорович, желаешь всем христианам блага и сам желаешь быть с нами в мире и согласии. Видя, как важна и как выгодна для наших государств такая взаимная дружба и согласие, мы с радостию принимаем такую весть и рады быть с тобою, Великим Государем и Великим Князем Борисом Феодоровичем в мире, согласии, дружбе и любви».

После того Секретарь Посольства (Илья Пельгржимовский) говорил: «Божиею милостию Его Королевское Величество Великий Государь Сигизмунд III,

¹ По словам Когновицкого, на крыльце были расставлены Русские и Немцы без разбору, а в сенях отдельно: по одну сторону — Немцы, а по другую — Русские, в парчовых одеждах.

² По словам Когновицкого, изба или палата царская была довольно велика, но не убрана, а попросту выкрашена. Подушки и пол пред Царем были покрыты коврами. Трон, на котором сидел Царь, был обит красным бархатом; в руках — золотой скипетр, на голове — корона, на ногах — красные бархатные сапоги. Возле Царя, по правую руку, сидел сын его; на притроне по левую руку лежала Царская держава. По обе стороны, довольно поодаль, сидели Думные Бояре.

Король Польский, Великий Князь Литовский и других, приказал сказать тебе, Великому Государю и Великому Князю всея Руси Борису Феодоровичу, что об этом соединении и вечной дружбе уже давно до нас начинаемы были переговоры между предками нашими Королями Польскими и Великими Князьями Московскими. На этом основании мы, по совету и просьбе Панов Рад наших Короны Польской и Великого Княжества Литовского, шлем к тебе великих послов наших, Г. Канцлера Великого Князя Литовского, Старосту Слонимского, Пернавского и Могилевского, Державца Ретовского и Блудненского Льва Ивановича Сапегу, и Каштеляна Варшавского, Старосту Кобринского и Осецкого Станислава Варшицкого, и меня, Писаря Великого Княжества Литовского, Лесничего Юрбургского, Илью Пельгржимовского, давши нам наказ и уполномочивши говорить, утвердить и заключить договор о сохранении вечной дружбы и мира между нами и тобою и между Государствами нашими. А в чем они условятся с тобою, что постановят и присягою утвердят, то и мы нашу присягою хотим утвердить и соблюдать, равно и потомки наши».

По окончании аудиенции Послы подошли к руке Великого Князя и сына его; затем, указаны были стулья всем послам и дворянам. И великий князь вместе с сыном расспрашивал послов о здоровье их, как им нравится в их государстве. Послы отвечали, что здоровы, слава Богу, и хорошо живут в его столице. После этого тотчас внесены были подарки, которые Окольничий и Наместник Суздальский Михаил Глебович Салтыков тут же пересчитал в присутствии Великого Князя и сына его, поверяя по реестру; когда же были убраны подарки, Василий Щелкалов сказал Послам: «Великий Государь и Великий Князь хорошо понял цель вашего Посольства, ответ же на ваши слова получите после чрез Думных Бояр». Потом, переговоривши тихо о чем-то с Великим Князем, продолжал: «Великий Государь, Царь и Великий Князь всея Руси Борис Феодорович, и сын его Царевич Феодор Борисович приглашают вас на обед». Затем в два часа Послам велено возвратиться в свои квартиры. Скоро к ним приехали Приставы Царские и сказали: «Великий Государь наш Царь (следует весь титул) и сын его Царевич прислали вам свой обед, кушанье и питье, также для угощения вас — Стольника своего Князя Бориса Михайловича Оболенского и Кравчего (фамилия опущена в рукописи)». После этого стол был накрыт узкою скатертью, на столе не было ни тарелок, ни ложек; разносили и ставили осетрину, белугу, семгу, лососину и разные другие рыбы; всего было наставлено больше ста мисок, и все это на серебре. Для питья были поставлены разные вина в бесчисленном множестве, а также разные сорта меду: привезено было 7 бочонков (бочек); обед этот продолжался почти два часа; затем русские, распрощавшись, оставили Послов одних».

Не излишним будет поместить здесь реестр подаркам, привезенным Послами Польскими Великому Князю Борису Феодоровичу и сыну его.

Вот он:

Божиею милостию Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу, Самодержцу всея Руси, и сыну его, Князю Феодору Борисовичу, от Послов Его Королевского Величества, Короля Сигизмунда III подарки:

I. От Канцлера Великого Княжества Литовского, Льва Ивановича Сапег:

1) Золотая гривна (цепь) самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу, украшенная жемчугом и дорогими камнями.

2) 4 большие серебряные вызолоченные кубка.

3) Золотая цепь эмалевая.

4) Гнедая лошадь, убранный по-гусарски, с чепраком, украшенным жемчугом.

А сыну Государеву, Князю Феодору Борисовичу:

1) Золотой корабль (кораблик), украшенным жемчугом и драгоценными камнями.

2) Два серебряные позолоченные кубка.

3) Прекрасно откормленный жеребец каштановатый.

II. От Варшавского Каштеляна Станислава Варшицкого самому Великому Государю:

- 1) Золотая цепь на панцирь.
- 2) Большой серебряный кубок с позолоченною крышкою.
- 3) Два, немного меньше, серебряные кубка, тоже с позолоченными крышками.
- 4) Испанская лошадь — гнедая черногривая.
- 5) Носилки, сверху покрытые красным бархатом, а в середине обложенные парчою на меху в серебряной оправе, и при них шесть итальянских коней половых, с бархатною пунцового цвета сбруею, оправленною в серебро.

А сыну Государеву Князю Феодору Борисовичу:

- 1) Большой серебряный кубок с позолоченною крышкою, и в нем 500 червонцев.
- 2) Перламутровый кубок, осыпанный бриллиантами.
- 3) Гнедая итальянская лошадь — Дзянет.
- 4) Сивая лошадь турецкая с длинною гривною, с бархатным красного цвета седлом, оправленным в серебро; стремена серебряные позолоченные; узда серебряная позолоченная, и такая же при ней цепь или повод.

III. От Секретаря Посольства Ильи Пельгржимовского самому Великому Государю Князю Борису Феодоровичу, Самодержцу всея Руси:

- 1) Серебряный кубок с позолоченною крышкою.
- 2) Еще такой же кубок.
- 3) Кубок высокий, серебряный сверху, а внизу позолоченный, с такою же крышкою.

А сыну Государеву Князю Феодору Борисовичу:

- 1) Серебряный позолоченный кувшин с такою же умывальницею.
- 2) Турецкая лошадь, сивая волошская в яблоках.

От Дворянства Его Королевского Величества:

I. От Оршанского Земского Судьи Андрея Воропая самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу Самодержцу всея Руси:

- 1) Серебряный позолоченный кубок и 210 червонцев.
- 2) Гнедая белоногая лошадь цекельской породы.

А сыну его, Князю Государю Феодору Борисовичу:

- 1) Турецкая белоногая лысая лошадь.

II. Самому Великому Государю и Великому князю Борису Феодоровичу, Самодержцу всея Руси. Витебский Воеводич Иван Николаевич Сапега челом бьет:

- 1) Два большие серебряные позолоченные кубка.
- 2) Сабля в бархатных красных ножнах с серебряным позолоченным эфесом.

А сыну его — Князю Феодору Борисовичу:

- 1) Белый кубок, оправленный в серебро с позолотою.
- 2) Серебряный кубок в виде купидона или белого человека с крыльями и луком.

- 3) Два ручные пистолета.

- 4) Сабля с серебряною рукояткою, украшенною жемчугом и разными дорогими камнями.

III. От Старосты Усвятского Князя Ярослава Друцкого Соколинского, — самому Великому Государю и Великому Князю Самодержцу всея Руси Борису Феодоровичу.

Гнедая лошадь дунайская — волошская, с казацким серебряным седлом и с прочею сбруею казацкою, серебряною позолоченною.

А сыну его Князю Феодору Борисовичу: турецкий каштановый жеребец.

IV. От Николая Фронцкевича — самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу:

- 1) Золотая кольчатая цепь.

- 2) Турецкий гнедой жеребец с гусарским бархатным седлом в серебряной позолоченной оправе, и с большим ошейником из красного бархата, и серебряным налобником.

- 3) Бунчук с серебряною булавою.

А сыну его Князю Феодору Борисовичу:

1) Кубок и два серебряные, позолоченные бокала, один больший, другой меньший.

2) Турецкий гнедой жеребец.

V. От Петра Дунина — самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу:

Складной кубок.

А сыну его Князю Феодору Борисовичу:

1) Сивая цекельская лошадь.

2) Сабля в серебряной оправе.

VI. От Ивана Боруцкого — самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу:

1) Цепь золотая.

2) Складной кувшин.

3) Гнедая русская лошадь с красным бархатным и с серебряными узорами седлом; при седле меч с серебряною рукояткой.

А сыну его Князю Феодору Борисовичу.

1) Один кубок в виде кисти виноградской.

2) Другой — наподобие яблока.

VII. От Ивана Пасека — самому Великому Государю и Великому Князю Борису Феодоровичу Самодержцу всея Руси:

Сабля с серебряною рукояткою, украшенною бриллиантами.

А сыну его Князю Феодору Борисовичу:

Вороной белгородский жеребец с гусарским седлом, на нем узоры серебряные; и у седла — меч с серебряным эфесом.

После этой аудиенции у Царя Послам действительно прибавлены под квартиру еще два подворья. Но когда Послы стали настаивать, чтоб им позволили рассуждать с Думными Боярами о делах Посольства и о составлении договора ко всегдашнему миру, согласию и дружбе между обоими народами, то Бояре все отвечали, что или Царь не совсем здоров, или праздничный день, или же Царь чем-нибудь занят на тот раз и т. п., — так что едва, наконец, после немалых трудностей, назначено было Послам для заседания 3 декабря в Воскресенье.

И действительно, 3 декабря явились к Послам Приставы и уведомили, что они должны идти на заседание. Когда вошли в палаты Царские, то там уже застали молодого Князя, сына Государева: он сидел на отцовском месте, на троне, окруженный множеством Думных Бояр и Дворян. Когда Послы вошедши поклонились молодому Князю, то он, с минуту обождав, обратился к ним с следующими словами: «Здоровы ли вы, Лев, Станислав, Илья?» Сапега отвечал: «Слава Богу, здоровы». Князь сказал после этого: «Великий Государь, Царь и Великий Князь Борис Феодорович, Самодержец всея Руси, и многих Государств Государь и владетель, велел своим Думным Боярам — Князю Феодору Ивановичу Мстиславскому, Князю Феодору Михайловичу Трубецкому, Степану и Ивану Васильевичам Годуновым составить с вами договор, а потому вы идите в ответную палату». Канцлер Сапега отвечал на это: «Мы очень рады и желаем этого: мы и приехали для того, а не на то, чтоб лежать и ничего не делать». Затем послов провели в ответную палату, куда незадолго пришли 10 Думных Бояр, именно: Боярин и Владимирский Наместник Князь Феодор Иванович Мстиславский, Боярин и Наместник Новгородский Князь Феодор Васильевич Трубецкой, Боярин, Правитель Двора и Наместник Псковский Степан Васильевич Годунов, Боярин и Наместник Тверской Иван Васильевич Годунов, Боярин и Наместник Коломенский Князь Феодор Андреевич Ноготков-Оболенский, Окольничий и Наместник Суздальский Михайл Глебович Салтыков, Казначей и Наместник Муромский Игнатий Петрович Татищев, Хранитель Печати (Печатник) и Государственный Дьяк Василий Яковлевич Щелкалов и два Думные Дьяка Велисарий Данилович сын Вылужкин и Афанасий Иванов сын Власьев. Когда собрались эти вельможи, то Послы хотели тотчас в первый же день

приступить к составлению условий на заключение всегдашнего союза между Россией и Польшею, даже имели приготовленные бумаги с изложением своих мнений по этому делу; но Бояре, не приступая сами к делу и не допуская к тому Послов, в продолжение целого первого дня спорили только о том, как написать титул Царский, так что к другому дню приготовили только один отдел о титуле. В этом отделе довольно подробно описано, что еще Владимир Мономах признан был в звании Царя Константинопольскими Императорами и потом на Вселенском Соборе коронован четырьмя Патриархами; что такой титул Царя, как наследственный для всех потомков дома Мономаха, единогласно принят не только Христианскими Державами и Папою, но даже языческими и Магометанскими; и что, наконец, если Сигизмунд III не признает этого титула, то и Русский Царь не признает его Королем Польским и Великим Князем Литовским, а следовательно, нечего и надеяться на дружбу и согласие между этими двумя державами — Россией и Польшею, а напротив — скорее быть тут вражде и пролитию крови христианской. На такой пункт Послы, основываясь на исторических выводах, более, впрочем, для шутки, нежели для подтверждения такой несомненной истины, дали надлежащий ответ; насчет же угрозы войною заметили: «Войну-то начать можете, но конец войны в руках Божиих».

4 Декабря заседание было во дворце Царском в ответной палате. Тут был молодой Князь и Послы в присутствии Думных Бояр, после некоторых совещаний, приступили к делу. Канцлер Сапега прочел следующие условия вечного мира.

Условия эти любопытны и характеризуют дух времени Сигизмунда III, посему считаем нужным передать их в целости.

Условия вечного мира и искреннего братства между Великими Государями: Божию милостию Королем Польским и Великим Князем Литовским Сигизмундом III и следующими за тем Королями Польскими и Великими Князьями Литовскими, — и Божию милостию, Великим Государем и Великим Князем, Самодержцем Всероссийским, Князем Владимирским, Московским и проч... и проч... Борисом Феодоровичем, а равно и между их Великими Государствами:

I. Абы Наияснейший и Великий Господарь Зигмунд третий Божию милостию Король Польский и В. Князь Литовский и иных и по нем будущие Короли Польские и В. Князи Литовские з Божию милостию з В. Господарем и В. Князем Борисом Феодоровичем всея Руси и по нем будущими Великими Господарями и Великими Князьями всея Руси завсегда были з собою в любви и в згодзе и статечной вечной приязни; потомуж Паны Рады и вси инные станы духовные и светские Короны Польское и В.К.Л. и иных з Бояры Думными и зо всеми станы Духовными и светскими Великого Государства и Великаго Князтва Влодимирского, Московского и иных в згодзе и в вечной нероздзельной милости братерской были яко людзи одное Веры Хресцьянское, одного языка и народу Словенского.

II. Кто бы был неприятелем Великому Господарю Королю Польскому и ВКЛ теперешнему и потом будущим также в Короне Польской и ВКЛ, Русскому, Прусскому, Инфлянтскому и инных, того мает мети за неприятеля сам Великий Господарь и В. Князь Борис Феодорович и по нем будущие Господары Великие Князи всея Руси, также и вси Государства их милости. А хто был бы неприятелем Великому Господарю и В. К. Борису Феодоровичу и по нем будущим В. Господаром и В. К. всея Руси и Великим Государством их милости, того мает мети за неприятеля сам наияснейший и В. Господарь Зигмонт Король и В. К. Лит., и по нем будущие Их Милости Короли Польские и В. Кн. Литовские, также Корона Польская и В. К. Литовское, Русское, Прусское, Лифлянтское и инных.

III. Змовы, перемирия, соединения с постронными народы так Наясн. Король и В. К. его милость Господар наш и по нем будущие Короли Польские и В. К. Лит. и Панства их милости, яко теж и В. Господар и В. Князь Володимирский, Московский и инных теперешние и потом будущие Великие Господары и В. Кн. Володимирские, Московские и инных одзин ку шкодзе другого жадных чиници и становици не маоць, але се сполне о том первой з собою порозумевши и нарадивши.

А если бы установены и шкодливые которой стороне были, тогда таковые абы не были ни з ким держаны и овшем скасованы и в ништо обернены.

IV. Коли бы се который сусед альбо неприязель постронный на которого бы кольвек с тых Великих Господарей и Господарств их повстал, тогда одзин другого за ознайменем ширже и жичливе верне без хитросци ратоваць маець и повинен будець, подлуг набольших сил и преможеня своего.

V. Если бы што спольными силами з рук которого кольвек постронного неприятеля одыскали, тогда то, до чого бы здавна права корона Польская и В.К.Л., Земля Русская, Прусская, Жомойская, Лифлянтская и инныя мели, то при Короне Польской и В.К.Л. зоставици маець. А чтобы теж здавна Господарством Володимирскому, Московскому и инных належало, то при тых Господарствах Володимирском, Московском и инных зостаици маець.

VI. Если бы которого Господарства, Королевства земли якое спольными силами набыли: то спольне держаици або по половици межи себе розделици маюць.

VII. Людзиом народу Польского, Лит., Рус, Прус, Жомойского, Лифл. и инных всим подданным Наиясн. Короля его милости и В. К. Л. жебы вольно было ездзиць до В. Господара и В. К. Бориса Феодоровича и до Господарей по нем будучих и в землях В. Господаря служиць и выезджаць назад добровольно. Таковож и людзиом народу Русского, Волод, Москов. и инных всих Господарств, жебы вольно было ездзиць до Наиясн. и Вел. Госп. Короля и В. Кн. Зигмунта III и по нем будучих, и в панствах его Кор. милости служиць и выезджаць назад добровольно.

VII. Людзиом Короля его милости и В. К. зо всих Панств, абы было вольно в землях и Господарствах В. Господара и В. К. вся Руси женитися, кривнитися, приязни братерства з людзьми его милости набываць. Потомуж людзиом народу Русского, Володимирского, Московского и инных в Панствах его Кор. милости жебы вольно было оженитися, кривнитися, приязни братерства з людзьми его К. милости набываць.

IX. Абы людзиом его Кор. милости Господара нашего вольно было маетносци, поместья в Господарствах Русском, Володимирском, Московском и инных выслуговати, куповаци, по жонах и инным вшеляким способом слушным набываци, з маетносциами своими выносицися и там оседати, мешкати и оных маетносцей слушне набывлых под такою вольносцю и правом, под якими тая маетносць лежати будет, спокойне уживати без вшелякое переказы. Потому ж людзиом Господара Волод. Москов. и инных абы вольно было в Панствах Короля его милости Коронных и В.К.Л. и инных маетносци, поместья выслуговати, куповаци и по жонах и вшеляким иншим способом слушным набывати, з маетносциами своими выноситися и там оседати, мешкати и инных маетносци набыць под таковою ж вольносцю и правом, под якими тая маетносць лежати будет, непорушно держаици уживати без вшелякое переказы.

X. Абы теж вольно было людзиом народу Польского, Лит., Рус, Прус, Лифл. и инных слаци дзеци свои в службу альбо на цвичене в науку до Господарств Русских, Волод., Москов. и инных. Потому ж людзиом народу Волод., Московского и инных абы вольно было слаци дзеци свои в службу альбо на цвичене в науку до Панств короны Польское и В.К.Л., Русск., Прус, Лифл. и инных, где се кому подобает, и назад им добровольно одьежджати без вшелякое пакости и трудности зо всякою маетносцю.

XI. А яко людзиом Великого Господарства и вся Руси Володимирское Московским и инных, которые на службу альбо для науки до короны Польское и В.К.Л., Рус, Прус, Лифл. и инных приежджати будуць, вольно будет держати Веру Русскую, и тым Москвичом, которые в короне Польской и В.К.Л., Рус, Прус, Лифл. и инных набудуць оседлосци, поместья з выслуги або иншим яким способом, вольно будет каждому в своим поместью церкви Русские ставици, надавати и повольно Веру свою держаици; так теж потому людзиом короны Польское и В.К.Л., Рус, Прус, Лифл., Жомойского и инных, которые на службе альбо для науки до Господарств вся Руси Волод., Москов. и инных приежджати будуць,

вольно будет держаци Веру Католицкую Римскую, и тым людзіом, которые приехавши з короны Польское и В.К.Л. и инных набудуць в Государствах всея Руси, Волод., Моск. и инных, поместья, оседлости з выслуги альбо иншим яким пристойным обычаем, вольно будет каждому в своем поместьи церкви Веры Римское ставити, надавати и повольно Веры свое уживати.

XII. А иж в короне Польской и в В.К.Л. и инных многих а мало не увезде во всех местах суць не только церкви Лацинские Римские, але теж и церкви Русские Греческого закону, же и Римляне до церкви Римских в Русь до церкви Грецких ходят по воли своей и набоженства каждый своего уживает; слушна речь, абы теж его милость В. Господар и В. Кн. Борис Федорович всея Руси так в столечном гродзе своем Москве, яко и по инших местах для людей, которые в службу на двор и у войску его милости приезджати будуць, и для Послов великих Господарей Хресцьянских, которые не только до Короля его милости Польского и В. К. Л., але и од инших многих великих Господарей Хресцьянских и его Господарской милости часто бывають, как теж для купцов которых в Государствах его милости з цудзых Панств каждого часу много есть, церкви Лацинские Римского закону побудоваци розказал: якобы людзи не только за доброго здоровья Пану Богу служизи, але теж и часу остатнее godziny смерци своее, на которых тут Пан Бог смерть допусцит, з грехов своих перед презвитерами Веры своей Пану Богу справляли се, о душах своих печаловали се, а по смерти и погребы тел змерлых водлуг закону Веры своее Хресцьянское мети могли, и при тых церквах абы Господарь его милость школы, а по нашему коллегии фундовати и надати рачил, гдыж то з великою и несмертельною славою самого Господара его милости во всех народах будет.

XIII. Купецтва, торговли, людзи купцы всякие зо всех Государств вольно и безпечно одправовати маюць; а в мястах, местечках, где бы се видело в Панствах заботных месца и пристани до одправованя торговли способные, слушные обрати, и постановити, порядок в том потребный учинить, старших способных для догляданя порядков купецких постановици, жебы яко людзиом Польском, Лит., Рус., Жомойским, Инфлянт. и инных Государствах Волод., Московских и далей до Козулбаши Орд, где бы се им подобало, торговали, проводиць добровольно, продавати и инших товаров набывати, и з ними добровольно назад се звращати. Потомуж людзіом купцом Государство зем Русских Волод., Москов. и инных до Панств Польских, В.К.Л. Рус, Прус, Жомойского, Лифлянтского и далей до Немец, до Влох, до Англии, до Франции, до Ишпани, до Турек, до Волох, до Угров и где бы се им видело, а назад до земли своее вольное зврочанье. А мыто на людзех купецких по старине брано быци маець без прибавки.

XIV. Бегунцов, тацёв, розбойников, запалачов, выволанцовь и вшеляких шкодников, которые провинивши а уходзечи караня, до Государств тых соединенных убегали, таковых на обе стороне без одволоки выдавати.

XV. А иж его Королевская милость ховае завжды войско немалое на границы Подольской жолнеров за пенензы, которые на то само з доходов е. К. м. назначоны суць, и немаш иншого, тылько оборочаны бываюць для обороны од Татар поганцов, — слушна речь есть, абы великий Господарь Руси, Волод., Москов. и инных также войска, яко завжды на границах од Татар мели, доходы якие на том отставали, иж если бы коли поганцы в которое Панство вторгнули, абы те войско Короля его мил. Польского и В.К.Л., также Вел. Господаря и В. Князя всея Руси з собою злучилисе и зодного против Татаром стояли, однако берегучи обу Государств.

XVI. Стараци се теж спольне маюць Король е. м. Пол. и В.К.Л. и В. Господарь и В. Князь всея Руси абы спольным коштом и накладом мели армату, корабли воинские и людзи воинские на мору Литевском и на мору Великом, штобы Государств своих границы што надалей розшеряли и прибавить могли.

XVII. Мынца во всех Государствах обоих Господарей маець быци однаково, одное цены, едное ваги.

XVIII. Для досконалого соединеня тых славных Государств и освядченя пред всем светом маюць быци двоистые короны уробленые, которые бы зна-

чили двох Господарств и Господаров их нероздзельность, вечность, соединене. Одна корона в Польще, которая маець быци кладзена через Посла Великого Господара и В. К. Волод., Московского и инных на голову наяснейшого Короля его милости Польского и В.К.Л., а другая корона в Москве, которая маець быци кладзена через Посла Короля его милости Польского и В.К.Л. на голову Господара его милости и В. К. Володимірского, Московского и инных.

XIX. А иж Короли, Господары, Монархи так, яко и вси иншіе людзи смерци подлеглими суць, тогды гдѣбы с его мил. Король Польскій и В.К.Л. (что рач Господи яко наидальей оддалиць) з сего света преставилсь, маюць Панове Рады Польское и В.К.Л. о смерци Господара своего ознаймиць Великому Господару Рускому, Волод., Московскому и о обераню новаго Господара з ними се порозумети и нарадзити, не загорожаючи приступу сынови Короля его милости — жебы его народ Польскій и Литовскій и инные дотого належачіе за Короля и Господара вольными голосы обраць хцели. На которую элекцію ку обераню Короля его м. и В.К.Л. от станов короны Польское и В.К.Л., зложоную, маюць теж Послы свое послаць Великій Господарь и В. К. Волод., Москов. и инных, з которыми Послы станы короны Польское и В.К.Л. и инных в обераню Господара зноситисе и порозумеватисе маюць, не уближаючи ни в чом вольное элекції, зперод здана до сего часу корона Польская и В.К.Л. уживали, которую себе и вперод непорушне в цалосци заховуюць. А Король и В. Князь ново од Панов Коронных и В.К.Л. заразом тот же звѣонзек, соединене, вечную приязнь и докончене межи Господарствы преречонными постановленныя поприсягнуць маець и мощно ненарушене держащи повинен будець.

XX. Пржи коронації Короля Польского и В.К.Л. маець бываць Посел Господара и В. К. Волод., Моск. И инных, и по вложеню короны Польское через Арцыбискупа на голову Короля Польского маець теж Посел Господара его м. Волод., Москов. и инных класць другую корону, особно на то уробленную.

XXI. Если бы сына К его м. и В. К. Короля Господара нашего (чого Боже уховай) в живоче не стало, тогды не загорожаюць себе станы короны Польское и В.К.Л. обраць за Пана Господара Волод., Москов. и инных, который поприсягнувши права и вольности народом короны Польское и В.К.Л. и оставши Господарем добровольне обраным, пануючи двема Господарствам так Славным, широким и вельким, маець два годы в Польше и в Литве для одправованя справ Польских и Литовских, а год в Москве для одправованя справ Московских способом таким, якій згодне постановіон и намовлен будет.

XXII. Если бы (што Боже яко надолжей оддалиць рач) Господарь его милость Волод., Москов. и иных вперед змер, а сына Великим Господарем и В. К. пособ зоставил, тогды сын его милости тое соединение вечное поприсягнуци и держащи непорушено маець Ведеже на поднесене его на тые Господарства за ознайменем Король его мил. и В. К. Господар наш послаць Послы свое, перед которыми Господар его мил. Волод., Москов. и инных тое соединене межи народы теми постановленное поприсягнуци и мощно держащи маець и повинен будет.

XXIII. При коронованю або поднесеню Господара на тые Господарства Волод., Московское и инных, маець Посол Короля его мил. и В. Господара нашего класць на голову Господарскую корону, на то умыслне уробленную.

XXIV. Если бы (чего Пане Боже рач уховаць) по Господару и В. К. Волод., Москов. и инных сына не зостало, тогды Король его м. Польскій и В.К.Л., Русскій, Пруссскій, Лифлянтскій и инных маець быць Господарем Володимірским, Московским и инных.

7 декабря, в четверг, Канцлер с Пельгржимовским (Варшицкий был болен) отправился во дворец, где застал уже молодого Князя на отцовском месте. Князь назвал того и другого по имени и спросил о их здоровье. Затем Канцлер просил Князя не держать их больше, а отправить, согласно обещанию, изложенному в письме к Королю, так как климат им там вредит («Вот уже Варшицкий заболел, — говорил Сапега, — да и Секретарь тоже, равно как и я, занемогает»). Когда их привели в ответную палату, то Бояре Думные прочитали им ответ свой на пред-

ложенные Послами договоры о вечной дружбе и союзе; но тотчас не отдали, а уже вечером прислала в Посольскую квартиру через Пристава.

В этом обширном ответе Думные Бояре сначала приводят все содержание предложенных Послами условий с выпискою всех Царских титулов. Затем большую часть из этих пунктов напрямик отвергают; условия, касающиеся условий наступательной и оборонительной войны, — картели в торговле, обещают лучше рассмотреть и обсудить по заключении вечного союза; но особенно протестуют против того, что Польша владеет Лифляндиею. «Лифляндская земля, — говорят они, — искони древняя вотчина Великих Государей Царей Русских, начиная от В. Государя Ярослава (Георгия), который назад тому 504 года завоевавши эту землю, основал там город, по имени своему Юрьев, а по-немецки — Дерпт; и подчинил своей власти всю ту землю, которая с тех пор была вотчиною Русских Государей и платила им дань...» Не позволяют также, чтобы Поляки в их краях женились, покупали имения, строили Римско-католическия церкви, не возбраняя, впрочем, свободного проживания у себя и исповедания своей веры. Что же касается коронования Царей, то говорят, что это дело Божие; что при обряде коронации искони одним духовным особам — а не светским — предоставлено касаться главы помазанника.

Итак, главнейшие цели посольства и надежда Сигизмунда III на достижение их кончились ничем, несмотря на то, что для достижения этих целей употреблены были все возможные средства — прозелитизм, лесть, мнимая покорность и истощена вся ловкость и рассчитанная хитрость иезуитов.

9 декабря, в субботу, Сапега с Пельгржимовским (Варшицкий был нездоров) отправились в четвертый раз во дворец. Опять то же приветствие от молодого Князя и расспросы о здоровье Послов. Поблагодаривши за внимание Князя, Послы отправились в ответную палату, где застали Думных Бояр. Тут Сапега прочел ответы свои или, лучше, опровержения возражений против условий вечного союза и вручил их Послам.

В этом опровержении всю вину безуспешности посольства Послы взводят на Бояр. Насчет Лифляндии и титулов замечают, что спор об этом решительно покончен при Короле Стефане. Но особенно распространяются касательно предметов религиозных, так что подобныя опровержения похожи больше на богословския прения, нежели на исследование политическое. Видно по всему, что Сигизмунд III имел в виду больше религиозное, нежели политическое соединение двух народов».

Этим оканчивается рассказ Пельгржимовского (или, лучше, неполная рукопись его). Для дополнения его окончим сказание о посольстве словами Когновицкого¹. «14 месяцев провел Сапега при посольстве этом и кончил дело тем, что успел наконец устроить договор, выгодный для своего отечества; хотя на 20 лет: один только Сапега, такой великий деятель своего времени, мог успеть в этом». Справедливо отзываясь об нем в надгробном слове своем Ланцевский: «Этот человек был крепкою опорою (стеною) для отечества. Потомство с восторгом вспоминает о Сапеге как виновнике вторичного мира с Москвою и никогда не перестанет любить за то, что он успел отклонить Царя Бориса Годунова от опасных для Польши связей его с Волошским Князем Михаилом, чрезвычайно жаловавшим завладеть короною Польскою; завладевши ею, при помощи Годунова, он должен был, по договору, уступить Русскому Царю часть Польши. Лев Сапега до тех пор оставался в Москве, пока не вымолил у Царя Русского хотя 20-летнего союза и мира².

Лев Сапега после этого посольства прожил еще 32 года; скончался в Вильне, 7 июля 1633 года, на 77 году от рождения.

Подготовил к публикации Александр ВАЩЕНКО.

¹ Kognowicki. T. I, str. 310—311. То же самое подтверждает и Бродзинский (Dziela. T. VII, str. 7. Wilno).

² См. Kognowicki. T. I, str. 310.

Один из первых

Ромуальд Подбереский — публицист, литературовед, издатель и краевед — оставил значительный след в истории белорусской культуры. Уже одно то, что он написал первый очерк белорусской литературы нового времени («Беларусь и Ян Барцевский») навсегда оставило его имя в истории отечественного литературоведения. Его жизнь и творчество были полны противоречий: он часто поддавался чуждому влиянию, нередко влезал в авантюрные предприятия, у него было много друзей, но еще больше врагов. Однако Суд Истории сделал свой вывод: творчество Подбереского способствовало становлению национального самосознания белорусов и развитию нашей культуры.

Ромуальд Андреевич Подбереский родился в 1812 году в Вильне. Он происходил из старинного, но обедневшего рода Друцких-Подбереских. В зрелые годы Ромуальд хотел подтвердить свое дворянское происхождение, но это ему не удалось. В 1830 году Ромуальд заканчивает Виленскую гимназию и поступает в Виленский университет. Однако проучился он там недолго: после восстания 1830—1831 годов российские власти закрыли этот «рассадник вольнодумства».

После этого Подбереский живет у родителей, в поте лица зарабатывает хлеб насущный, налаживает контакты с виленскими торговцами. Коммерческая жилка позволила ему во время учебы на юридическом факультете Московского университета (1836—1849) стать руководителем литовского торгового объединения. Но Ромуальда не привлекала юриспруденция, гораздо охотнее он общался с известным филологом Осипом Бодянским, славянофилами Киреевским и Самариным. В это время он пишет свой первый литературный труд «Жизнеописание Зориана Даленги-Ходаковского». Под влиянием славянофилов он делает перевод русских сказок и «Рассказов малороссиянина» П. Кулиша на польский язык. Однако Москва в начале 40-х годов становится центром воинствующего русского шовинизма, поэтому 4 мая 1841 года Подбереский переезжает в Петербург, чтобы заняться литературной и издательской деятельностью. Он хочет издать собственный литературный журнал, однако сталкивается с цензурными трудностями и неприязнью редакторов польскоязычных журналов. И тем не менее, 23 июля 1842 года Ромуальд получает разрешение на издание альманаха «*Roznik Literacki*». На сотрудничество с ним согласились известные литераторы: Крашевский, Грабовский, Головинский, Штырмер. Сам Подбереский печатает в первом томе три белорусских народных песни («Зязюля», «Дзеванька», «Гарэліца»), две последние из которых — это произведения Яна Барцевского, который помещает в первом томе «Очерк северной Белоруссии», включенный позже в книгу «Шляхтич Завальня». Издание прекрасно украсили своими рисунками братья-художники Кароль и Рудольф Жуковские, а умелая реклама обеспечила значительный по тем временам тираж в более чем 500 экземпляров.

Одушевленный успехом альманаха, осенью 1843 года Подбереский едет в Белоруссию, где, благодаря стараниям полоцкого маршалка Людвика Беликовича, его издание имело наибольшее число подписчиков. Результатом этой поездки стали очерки «Письма о Беларуси», которые были напечатаны в 1844 году в газете «*Tygodnik Peterburgski*».

Подбереский целиком отдается издательской деятельности, которую успел досконально изучить. Юзеф Крашевский передает ему для издания рукопись сосланного на Кавказ поэта Тадеуша Лады-Заблоцкого. Сборник вышел в

1845 году и принес издателю массу неприятностей: его обвинили в недобросовестных финансовых расчетах. Скорее всего, Подбереский, который затевал все новые издательские проекты, не успел вовремя рассчитаться с автором.

В июне 1844 года Ромуальд подготовил к печати второй том «Rocznika Literackiego», куда включил много белорусского материала: разделы из работы М. Борха о Евфросинии Полоцкой, стихотворная повесть «Жонка» В. Реута и «Воспоминания о посещении родного края» Я. Барщевского.

1844 год был одним из самым плодотворных в издательской деятельности Подбереского. Он подготовил к изданию первый том «Шляхтича Завальни» и написал к нему знаменитое вступление «Беларусь и Ян Барщевский», написал большую статью «Письма о Беларуси», где дал отпор российским шовинистам. Поводом для написания была напечатанная в «Москвитянине» статья Петра Кушина «Гецыки», в которой автор унижал белорусский народ, издевался над его обычаями и языком.

Еще три года Подбереский работает в Петербурге. Здесь он познакомится с Тарасом Шевченко, будет писать о его творчестве в различных изданиях. Здесь он издаст третий том своего альманаха.

Финансовые трудности вынуждают Ромуальда перебраться в Вильню. Здесь он снова увлеченно занимается издательской деятельностью: выходит четвертый том «Rocznika Literackiego» (1849) и шесть журналов «Pamiętnika Naukowo-literackiego» (1849—1850), которые были очень популярны в среде местной интеллигенции. «Весна народов» отозвалась на страницах «Pamiętnika...» рядом публицистических статей Альберта Грифа (А. Мартинковского) и Адольфа изпод Бельска (М. Лавицкого). Подбереский помещает две статьи Виссариона Белинского, не называя имени автора, заменив примеры из русской литературы примерами из польской.

Осень 1850 года приносит Подберескому новые неприятности: цензура не разрешает напечатать седьмой номер журнала. Издатель вынужден ехать в Варшаву, чтобы там продолжить издание «Pamiętnika Naukowo-literackiego». Однако это не спасает: недавно назначенный виленский генерал-губернатор Бибилов вводит запрет на издание новых и распространение старых изданий Подбереского. За участие в некоем таинственном литературном обществе, якобы имевшем связь с эмиграцией, самого издателя арестовывают на одной из варшавских улиц и прямо во фраке и шляпе отправляют на четыре месяца в варшавскую цитадель. В этом же фраке его сослали в Архангельск — край бурь и лютых морозов. Неоднократные прошения о помиловании и возвращении на родину остаются без ответа: местные власти не имели права отменять приказ самого Николая I. Ссылный умирает 10 октября 1856 года в психиатрическом госпитале Архангельска, так и не дождавшись царской милости...

Ромуальд Подбереский оставил значительный след в истории белорусской культуры, а его слова о том, что для того, чтобы служить народу, нужно писать для этого народа и на языке этого народа, стали краеугольным камнем нового белорусского литературоведения, новой белорусской прозы и поэзии. А лучшей памятью благодарных потомков было бы издание книги произведений человека, который так горячо любил свою отчизну.

Сотрудничество с Санкт-Петербургским еженедельником «Иллюстрация» в 1847—1848 годах нужно было Подберескому для того, чтобы познакомить российского читателя с историей своей родины и чтобы поправить финансовое положение, ибо в «Иллюстрации» платили хорошие гонорары. Плодами этого сотрудничества явились статьи исторического и фольклорного характера: «Взгляд на Инфлянты и белорусские древности» (1847), «Белорусская свадьба», два очерка о городе Борисове, «Литовские и жмудские предания», прозаический перевод из Адама Мицкевича «Вторник и пятница» (1848). Эти статьи теперь являются библиографическими редкостями и представляют исключительный интерес для всех любителей истории нашей родины.

Александр ВАЩЕНКО

Ромуальд ДРУЦКИЙ-ПОДБЕРЕСКИЙ

Город Борисов

**Древность его торговли. — Жители. — Их занятия. —
Нравы, одежда. — Исторический взгляд.**

Борисов (уездный город Минской губернии) известен как главная точка *Березинской системы*¹⁾ водяного сообщения и торговли этой страны с южными провинциями государства, в особенности же с Кременчугом.

Город построен на низменных берегах исторической Березины, на пространстве песчаном, местами перемеженном плодородною землею. Живописный вид Борисова открывается с песчаных возвышенностей от большой Минской дороги. Небольшой деревянный городок, оживленный вечно движущеюся пристанью, на которой издали, как птицы, белеют тысячи торговых *байдаков* с распущенными парусами, разлегся на обширном пространстве. Множество рабочего народа, толпы подвод с обозами, расположенными в отдельных группах, — все это представляет картину, исполненную жизни и движения. Великолепный мост в 2000 аршин длиною соединяет пристань с городом. За городом, с северной стороны, виднеется бок крутой горы, охраняющей город от полуночных ветров и оканчивающейся плодоносной долиной. С левой стороны, среди сыпучих песков, открывается еврейское кладбище в затишье густого соснового леса. С правой стороны, на обширном пространстве, перерезанном двумя извилистыми рукавами Березины, привольно раскатились зеленым ковром богатые луга. На дальней синеве горизонта этот вид закончен линиею дремучего бора, характеристической черты векового достояния борисовской земли.

Весной, с поднятием воды, Березина широко заливает окружные луга и пастбища. Иногда наводнение поднимается до города и затопляет улицы, огороды, дома. Вода сбывает медленно, и только в конце мая река вступает в обыкновенное русло. Весенние ветры со стороны разлива увеличивают холод, уже довольно резкий по самому географическому положению города.

Герб, данный Борисову в 1792 году королем Польским Станиславом Августом Понятовским, представляет на белом щите старинные крепостные ворота между двух башен, сверху которых изображен Св. Петр, держащий золотые ключи.

Борисов в настоящее время все еще бедный деревянный городок. После стольких военных бедствий и пожаров в 1812 году доньше он не мог прийти в лучшее состояние и почти не изменил своего наружного вида.

Среди города на четверугольной площади возвышается довольно красивой архитектуры православная церковь, отстроенная в 1834 году²⁾ и составляющая почти единственное украшение города. В нем находятся: каменный, довольно старинный приходской католический костел и другая греко-российская церковь; две еврейские синагоги, три каменных казенных дома и 600 частных домов, в которых помещается до 5900 жителей, в том числе до 1560 евреев; приходское училище для борисовских мещан, которое содержалось прежде на иждивении

римско-католического костела, теперь перешло в ведомство Министерства Народного Просвещения.

В торговом и промышленном отношении здесь совершенный застой, общий, впрочем, многим городам западных провинций государства. Жители в уезде занимаются исключительно земледелием. Помещики не имеют ни малейшего влечения к промышленности, почти никакого понятия о мануфактурном производстве, о пользе машин, уменьшающих труд человека и совокупляющих дробные незначительные силы в народное богатство. В целом уезде нет ни одной фабрики, которая дала бы ход капиталам и привела в движение народонаселение.

Деятельность городских жителей, а часто и крестьян, сосредотачивается вся на реке Березине. Малороссийские купцы употребляют очень много рук для гонки леса по Березине и Днепру в Кременчуг, а после в Черное море — и обратно соли и хлеба. Еще более рук занимает торговля лесом с Ригою, которою почти исключительно завладели евреи. Лес, связанный в плоты, гонится посредством лепельских шлюзов, Лепельского озера и других водяных путей в Двину и ею в Балтийское море! Его вывозят на сумму до 200 000 рублей серебром в год. Немаловажное препятствие этой торговли заключается в затруднительности судоходства по Двине, фарватер которой, так сказать, затканый подводными камнями, весьма замедляет доставку.

Березина, вытекающая из северо-западной стороны уезда и в 600 верст от истока своего впадающая в Днепр, в Речицком уезде представляет двойного рода судоходство: вверх по течению к Днепру и обратно против течения; или из Борисова вниз против течения к Двине и обратно в Борисов. Туда гонят против течения к Двине *байдаки*, нагруженные солью, хлебом, водкой, пенькой, *ладами* или *кленкой* (мелочным лесом, как драпицы, бочарные доски, куски для выделки посуды и пр.), тоже корабельные мачты, плоты и т. п. Все это идет из южных провинций: Могилевской и Смоленской губерний и уездов Минской губернии: Игуменского, Борисовского и Речицкого.

Из Борисова с течением байдаки идут или порожние, или легко нагруженные *мочалою* для рогож и камнем. Кроме того гонят еще смолу в бочках и мелкий лес для постройки домов и топки печей, называемый здесь *коравками*. Все это отправляется в *Николаевскую* на Черном море и в губернии: Киевскую, Полтавскую, Черниговскую и Херсонскую.

Из Борисова против течения к Двине до сих пор по причине мелководья и подводных камней нельзя было устроить правильного судоходства, а потому с Ригою нет непосредственного водяного сообщения.

Попечительное правительство для поддержания торговли и промышленности составило в 1842 году проект канала от устья реки Сергуны, где Березина начинает быть судоходною.

Сухопутное сообщение совершается почтовою дорогою, с одной стороны в Петербург и Москву, с другой — в Варшаву и Вильно. Кроме них пересекают еще уезд военные пути: в Вильно, Полоцк, Динабург, Бобруйск и Могилев.

Из великороссийских губерний перевозят в Минск и Варшаву разный железный (*скобяной*) и фабричный товар. Отсюда в Вильно, Динабург и Ригу везут рожь, пшеницу, льняное семя, лен, пеньку, водку, медь и прочее.

Вообще *березинская* торговля приносит, между прочим, ту пользу, что владельцы поместий отпускают людей на заработки во время гонки леса, выручают на них податные деньги и избавляются от прокормления многочисленного народа в неурожайное время. Кроме того, земледельческий класс находит случай сбывать свои хозяйственные запасы и приобретать продукты, необходимые для первых потребностей жизни.

Русские купцы, привозящие товар из Малороссии, в желании удалиться от жидов, имеющих свои магазины в городе, построили на правом берегу реки 45 своих житниц, которые вместе с опрятными домиками для приказчиков представляют вид особенного городка и живописно украшают пристань.

Кстати, о древней *березинской* торговле. Она существовала с незапамятных времен. Следы ее находим в истории и законодательстве польско-литовском. Короли Польские, а прежде еще Великие Князья Литовские, начиная с Ольгерда до последних времен независимости Литвы, старались поддерживать торговые связи через Черное море с Константинополем. При всех политических договорах они всегда упоминали о том и вносили особые условия относительно этой торговли с Турцией. Уже и тогда, несмотря на чрезвычайно малоразвитые понятия о политической экономии, государственные умы весьма хорошо понимали всю важность торговли отечественными произведениями по Днепру, Бугу и Днестру.

Договор, заключенный в 1489 году между Казимиром Ягеллоном и Султаном Баязетом, позволяющий Польше свободную торговлю на Черном море, был постоянно возобновляем всеми преемниками польского престола. Во времена Сигизмунда Августа папский легат, знаменитый *Комендони*, проезжая через Подольскую землю и убедясь в необыкновенном ее плодородии, сообразил местную систему рек и предложил Королю открыть торговлю с Венецией через Днестр и Черное море. Он даже взял на себя заключение торгового договора с Венецией (он был уроженец этой страны). Король и народ с восторгом приняли мысль, но наряженные для исследования Днестра комиссары объяснили, что навигация невозможна по множеству *порогов* или подводных камней. Тринадцать больших порогов, соделывая невозможным плавание, в зародыше остановили развитие великой мысли, обещавшей столько пользы грядущим поколениям.

В конце царствования Сигизмунда III возникла мысль о сообщении Черного моря с Балтийским через соединение Березины с Вильей посредством канала со шлюзами. Юный сын короля, Владислав IV, желая снискать расположение Литвы, предложил из собственной казны покрыть все издержки этого предприятия. Но проект этот, утвержденный Сеймом в 1631 году, был приостановлен тоже, как и многие другие полезные намерения, внутренними и внешними несогласиями. Известно только, что план этот, найденный в бумагах королевского архива, послужил впоследствии правительству к исполнению в 1806 году водного сообщения, известной *Березинской системы*.

Наружный вид Борисова совершенно общий всем небольшим литовским местечкам. Кроме приехавшего за домашним делом помещика и местного чиновника, все дома, площади и улицы заняты бедными, неопрятными евреями, которые вместе держат всю торговлю в своих ежовых руках. Вся мелочная торговля, аршинный товар, съестные припасы, горячие напитки, ремесла — все принадлежит им. Вот мещанин в длинном сером *капоте*, в опушенной бараньим мехом шапке важно бродит по площади. Он закупает из рук жидовских за высокую цену товар, который мог бы сам продавать другим дешевле с пользою для себя, если бы не беспредельная непобедимая лень и беспечность, вечно удаляющая этот народ от промысла. Мещане наиболее занимаются ремеслами кузнечным и сапожным, преимущественно же рыболовством.

Борисов в летнее время движется новою жизнью: малороссийские чумаки, березинские матросы, рабочий народ и гоньщики из разных стран расхаживают по улицам и лавочкам. Среди групп этого народа всегда является еврей с хитрой рожей, с лукавым и проницательным взглядом. Он тотчас завладевает умом простолюдина, а между тем несколько других евреев зорко подсматривают, и если этот человек ускользнет от первого, то неминуемо попадет в их когти. Иногда за приезжим, порядочно одетым помещиком, присматривают два, три еврея, осторожно приближаются, окидывают его взором с любопытством, составляют между собою совещания, делают наблюдения. Это, непременно, портные, совершающие курс своего учения на складе и одежде заезжего господина. Угадывая покрой платья, снимая мерку глазами, они при первом случае уверят любого борисовского *донжуана*, попавшегося в их руки, что в состоянии сшить ему пару платья по самой последней моде, точно такую, как у такого-то графа или франта... Вот едва ли не самые выразительные черты физиономии Борисова: везде жида, везде простой народ.

В Борисове бывает две ярмарки, называемые здесь *кермашами*. Одна на новый год, другая — на десятую неделю после Воскресения Христова. Цель их — удовлетворение потребностей низшего класса. Мелкие торговцы из Минска и других городов располагаются на площади с мелочным товаром, состоящим из бронзовых и стеклянных подделок под драгоценности для невзыскательных. Все это, продаваемое за самую сходную цену, обезображивает природную красоту мешанок и *шляхцянок*. Аршинный товар, стеклянная и фарфоровая посуда расходятся в простонародье в большом количестве. В то же время местный чиновник и заезжий господин запасаются осетриной и голландским сыром. К этому времени собираются сюда мелкие фокусники и содержатели маленьких зверинцев. Иногда странствующая группа комедиантов в прилаженном на скорую руку театре дает свои площадные представления к великому восторгу собравшейся толпы.

Другая ярмарка исключительно посвящена покупке и распродаже лошадей и рогатого скота. Толпы евреев и цыган окружают гурты. Обман владычествует во всей силе на просторе. Добродушный чернорусс³⁾, ошеломленный разглагольствованием жидов, или платит вдвое дороже за самую ничтожную скотину, или же даром отдает собственную лошадку. Характеристика ярмарки та же, что и характеристика города: везде жида, везде простой народ.

Здесьшний простой народ по большей части хорошо сложен: рост средний, здоровье крепкое, но к постоянному труду нет способности и привычки. Лень причиною, что люди эти, с одной стороны, мало заботятся о сбережении своей собственности, с другой — не очень воздержаны относительно неприкосновенности чужой. Самое пагубное влияние на них производят жида, находящиеся в помещичьих деревнях. Язык крестьян, их обычаи и нравы почти в целом уезде одинаковы. Есть различие в домашних занятиях, в способе заработка и, преимущественно, в одежде. Поэтому, например, Борисовский уезд следует разделить на две части: *лесную и полевою*, а жителей на два различных типа.

Жители южной и западной, богато-лесистой страны, обладающей водяным сообщением, зимой занимаются приготовлением и вывозкой леса, а летом — гонкой судов по рекам, что составляет главный предмет и доход их заработка. Почти каждый из зажиточных крестьян имеет по несколько хороших лошадей и небольшие стада, пасущиеся по лесам. Жилые хижинки и хозяйские строения, по большей части, в весьма дурном состоянии и крайне неопрятны. Крыши разрушены и полугнилы, заборы в каждую зиму обращаются на топку печей, а летом возобновляются. О лесе здесь не заботятся: каждый крестьянин имеет его сколько ему угодно, потому, никого не спросив, он идет в прилегающий лес и рубит себе вволю. Сверх того заготавливает для продажи смолу, деготь и уголья. Странно, что изобилие леса производит здесь совершенно противное действие, нежели в странах, в которых в нем нуждаются. Замечено, что там строения всегда хороши. Эта небрежность в содержании жилищ всегда поражает путешественника и представляет картину бедности, которой, в сущности, нет. Сельское хозяйство в очень дурном состоянии, полей не много. Сеют лишь столько, сколько необходимо для пропитания. Запасов никаких не делают, зерновой торговли почти не знают. Зато занимаются рыбной ловлей и охотой, имеют много бортей и ульев по лесам, потому-то жители и не опасаются голода. Если страну и постигает неурожай, то кожа дикого зверя, дичь или трудолюбивая пчела всегда дадут средство приобрести кусок хлеба и необходимую соль у Березинской пристани.

Картинка верно изображает одежду крестьян из окрестностей Борисова. Мужчина носит, обыкновенно, сермягу серого или темного, бронзо-бурого цвета из крепкого сукна, сотканного по обыкновению тамошних крестьян, *в три нити* с узкой выпушкой. По мере приближения к Белоруссии сермяги эти делаются беловаты, покрой их всегда одинаков у мужчин и женщин. Они не слишком широки, так что пола едва закрывает полу, редко они бывают ниже колен. У женщин они длинны, почти до пяток. Сермягу употребляют зимою и летом и назы-

вают, как в Малороссии, *свитою*. Другую часть одежды составляет род капота из толстого полотна такого же покроя. Эту одежду называют *насов*, потому что она надевается, или *насовывается*, сверх сермяги во время снега или дождя. Во время морозов носят тулуп, на который надевают *свиту и насов*. Опясываются *дзягой*, поясом из ремня с металлическою пряжкой, у которой висит калита, мешочек с ножиком, кремнем и трутом. Нижнее платье, суконное зимой, полотняное летом, стягивается шнурком, что называется *на учкурни*. Для обуви употребляют лапти из липового или ивового лыка, и ногу, до колен обернутую полотном кругом, опоясывают черным ремнем, что на их языке называется *на оборучь*. Шапка из толстого сукна с опушкой из бараньего меха, черного или серого, с длинными ушами, летом бывает круглая, в виде белорусского *бриля* (шляпы без полей, суженной кверху, из белого сукна). Как и у русских мужиков, шея у здешних зимой и летом открыта; рубаха не завязана, как у литовских крестьян, но застегнута блестящею запонкой.

Женщины употребляют ту же одежду, только без *дзяги* или пояса. Вместо лаптей носят сапоги, а летом ходят босые. Замужние драпируют голову куском полотна или, по-тамошнему, *наметкой*, которая скрывает часть щек, подбородка и ушей, немножко поднимается над головой, а сзади опускается на шею двумя длинными концами. Девушки завязывают голову платком, украшенным каким-нибудь огородным цветком или радужным концом павлиньего пера, из-под которого опускаются на плечи две длинные косы, тоже украшенные цветком или лентой. *Шнуровка*, обхватывающая талью девушек, всегда цветная, равно как и их *андарак*, или шерстяная или полотняная юбка, стягивающаяся шнурком. Они носят полотняный передник, на шее много бисера, но серег почти не знают. Опрятность особенно поражает, когда летом они идут к барскому двору на работу. Веселый вид резвых девушек и молодежи, их бесконечные песни, щеголеватость одежды, важность стариков, собравшихся у барского крыльца во время *дожинок* — сельского праздника после окончания жатвы — все это производит на приезжего из столицы самое приятное впечатление, представляя картину, истинно достойную кисти художника.

Бросим теперь взгляд на историю города Борисова¹.

Начало основания Борисова, скрываясь в глубокой древности, не представляет ничего особенно любопытного. Никакие местные события не запечатлелись на стране, ничего не известно о жителях первобытных, живших по лесам вместе с дикими зверями. Никакой местный баян, по-здешнему *войделота*², не нашел предмета для поэтической легенды, героической песни или баллады, ничто не оставлено современникам преданием.

Основателем Борисова историки называют князя полоцкого *Бориса Ганвилловича*. Во второй половине XII века он означил границы своего государства брошенным в Двину камнем с насеченною на нем надписью³. Летописец Данилович полагает основателем минского князя Бориса Всеволодовича в 1102 году.

Борисов, город пограничный между Польшей и Русью, никогда не проявлял полной самостоятельности: некоторые следы ее обнаруживаются лишь с того времени, когда, получив привилегии от королей польских, город этот начал восставать против угнетений своих старост и вести свободную торговлю на Березине.

Следы походов Великого князя Литовского Витольда через борисовскую землю сохранились и до сих пор в местных названиях урочищ. Недалеко от села князя Радзивилла *Массалае* есть источник, окруженный камнями. Народ называет его *Витовым колодецем*. Предание говорит, что этот колодец вырыт на том самом месте, где Витольд обедал во время похода. Что тогдашние жители этой деревни за гостеприимное пожертвование нескольких волов получили от *Короля Вита* грамоту на свободу, что грамота эта долгое время сохранялась между

жителями, но что будто бы за уничтожением ее в пожаре они снова впали в рабство. Это предание так глубоко вкоренилось, что и до сих пор сохранилось между крестьянами.

Литовскому князю Свадригеллу был представлен в Борисове князь Юрий Семенович Гольшанский, после, в 1435 году, по его повелению утопленный в Витебске, в Двине.

В 1500 году Великий князь Литовский Александр во время войны с Иоанном Васильевичем, князем московским, долго стоял с войсками в Борисове.

Во время войны с Василием Иоанновичем, князем московским, Сигизмунд I, король польский, был в Борисове, принимал посланника от папы Льва X, *Ивана Пицо*, которого польские историки называют *весьма ученым человеком*. Папа старался примирить враждующих государей, но Сигизмунд отвечал, что Князь Московский упрям, горд и неточен, а потому, не надеясь заключить мира через переговоры, он хочет принудить его к тому оружием³. Отправив посла и выслушав обедню, Король выступил из Борисова. Весело шла армия, потому что вороны и орлы летели следом за обозом, что считалось предвестием победы. Однако ж, вняв увещаниям сановников, Король воротился в Борисов и там простоял на зимних квартирах в продолжение московской войны.

Получив тайное письмо от изменника князя Михаила Глинского, который в досаде на князя Московского обещал Королю изменою возвратить Смоленск и сам повиноваться ему как законному властелину, он собрал совет, которому сообщил это обстоятельство, но вельможи литовские, опасаясь влияния Глинского в Литве, отсоветовали Королю принять предложение. Между тем, тайное послание князя огласилось, корреспонденция Короля с Глинским была перенята, и он погиб в заключении, сообщники же его подверглись пытке.

В борисовской земле осталось наиболее следов походов Короля Стефана Батория около 1580 года, т. е. времени второй войны с Москвою. До сих пор существует много местных названий и воспоминаний, перешедших даже и в народную поэзию.

Так, например, Король остановился в одном месте отдохнуть на поляне, только что вырубленной в лесу. Это место и построенная на нем мыза поныне называются *Королевской Станицей*, или в сокращении *Стань-Король*. Она принадлежит теперь помещику *Трацевскому*. В нескольких верстах находится имение графа *Тышкевича*, называемое *Мильч*. К этим местам относится следующее народное предание, повторяемое нами по рассказу автора *Литовских скиццов (Obrazy Litewskie) Игнатия Ходзько*: «Король с войсками шел вперед, вырубая широкий путь в лесах, которыми Борисовский уезд изобилует и теперь, а тогда был совершенно покрыт. Повсюду были устроены плотины, устланные из бревен на болотах и тундрах, и колодцы, поныне называемые в народе *Баториевскими*.

Однажды армия остановилась на ночлег вблизи мызы какого-то шляхтича. Раскинули палатки и расположили обоз на полях и лугах бедного шляхтича. Измученные ратники, не обращая внимания на его жалобы и сетования, вырезали коров и ягнят, опорожнили амбары и житницы. Наутро шляхтич, лишившийся всего, мог только разве следовать за войском, чтоб не умереть с голода. Взяв за руку детей и жену, он вышел на большую дорогу ждать Короля и дождался его.

Баторий приближался верхом, окруженный польским рыцарством. Шляхтич встал на самую дорогу и, схватив поводья лошади Короля, сказал: «*Стань, Король!*»

Удивленный Король спросил, чего он желает. Тогда бедный рассказал ему обиду и разорение. Жена и дети плакали, шляхтич смело исчислял убыток...

— Чем могу я тебя наградить? — спросил Баторий.

Подумав несколько, шляхтич отвечал: «Землей, на которой стоишь, Король, потому что она твоя: это *староство*».

— *Бери и молчи!* — сказал ему щедрый Баторий, широко очертя рукою круг в воздухе, как бы в значении границ даруемой ему земли.

— *Vivat rex!* — закричал обрадованный шляхтич.

— *Vivat rex!* — повторило рыцарство.

На дарованной земле шляхтич построил две мызы. Одну на том месте, где стал Король, он назвал *Стань-Король*, другую наименовал королевским словом *мальч* (молчи). Обе существуют поныне».

Вблизи *Стань-Короля*, в 715 шагах от барского двора, к северо-восточной стороне на скате горы лежит серый камень твердой породы, обделанный на вид креста: 2 арш. $\frac{3}{4}$ высоты, 1 арш. $\frac{3}{4}$ ширины в поперечной перекладине. Его называют *королевским камнем*. На нем изображен рыцарь с мечом в правой, со щитом в левой руке. На перекладине два маленьких крестика. Над головой рыцаря королевская корона, внизу буквы R. S. V., а еще ниже вычеканенные два концентрических круга. Народное предание говорит, что Король, расположась здесь обозом, обедал на этом камне. Походные чеканщики, чтоб увековечить память этого события, дали камню вид креста. Рыцарь изображает Короля-воина, а буквы означают Rex Stephanus Batoreus; два круга — символ обеда — блюдо или тарелка.

С милю (7 верст) от Стань-Короля Баторий переправлялся через реку *Пою*, на которой был растянут мост из лошадиных шкур. Корчма на берегу этой реки называется и до сих пор *Скурать*. Она принадлежит помещику *Герловичу*. Недалеко отсюда другая корчма *Батурина*. За *Батуриной* в пяти верстах есть болото, называемое *Белая Лужа*. Здесь во время перехода Короля усыпали белым песком дорогу, которую показывают и до сих пор. Простой народ прибавляет, что эту плотину войска королевские выложили всю своими шапками для означения многочисленности его армии.

Вот воспоминания о походе Батория к *Великим Лукам*.

Сигизмунд III был в Борисове во время похода в Смоленск.

Борисовский замок, построенный по правилам тогдашней фортификации, впоследствии обратился в жилище старост, начальствовавших над городом, пока вместе с *Борисовщицкой* не перешел во владение князей Радзивиллов. Еще в недавнее время показывали развалины на острове Березины. Впоследствии они были обращены в другую постройку.

В 1645 году во время войны короля Иоанна Казимира с царем Михаилом Алексеевичем по поводу отпадения Богдана Хмельницкого от Польши Борисов был взят русским приступом⁴.

В 1660 году Стефан Чарнецкий осаждал русских в Борисове, но после двухмесячной осады должен был отступить⁵.

Здесь должно заметить ошибку Вольтера, будто бы в 1708 году Карл XII расположился с войсками против Борисова. Местные предания, русский историк Полевой и, наконец, *Маркевич*⁶ определили ясно, что он проходил Березину гораздо ниже, к югу, именно — вблизи города Игуменя.

Староство Борисовское вместе с городом, считающее около 10 000 душ мужского пола, искони составляло народную собственность. Короли польские давали его в виде наград за заслуги или в пожизненное владение или только на несколько лет, знаменитейшим из государственных сановником, которые тогда и носили название *Старост*.

После второго раздела Польши, когда Борисов перешел во владение России, император Павел подарил староство Борисовское, за исключение города, в потомственное владение князю Михайле Мартыновичу Радзивиллу. Таким образом, князья Радзивиллы сделались вотчинниками обширных земель, изобилующих лугами, пастбищами, пахотными полями и лесами⁷.

Городу Борисову привилегиями королей Польских Сигизмунда Августа, Стефана Батория, Сигизмунда III и Владислава IV были даны права как городу

вольному, с собственной юрисдикцией. Наконец, Станислав Август в 1792 году привилегией *renovationis* подтвердил прежние права борисовских граждан. Привилегия эта хранится до сих пор в городской думе. Граф Тышкевич вполне приводит ее в своем сочинении.

* * *

Комментарии автора обозначены арабскими цифрами, а комментарии Александра Ващенко — арабскими цифрами с дужкой.

¹ При составлении этой статьи мы пользовались материалами, собранными графом Евстафием Тышкевичем в недавно изданной им весьма дельной книге «Описание Борисовского уезда в отношении статистическом, историческом, геогностическом, хозяйственном и проч.», Вильно, 1847.

² Известие об этом камне и самое изображение его смотрите в статье о белорусских древностях в № 36 «Иллюстрации» за 1847 год.

³ Летопись Бельского и Стрийковского

⁴ Описание древней Польши, Свенцкого, стр. 277.

⁵ Записки современные. Иоанна Хризостома Паска. Стр. 100.

⁶ Военно-Энциклопедич. Лексикон, 1838 г., стр. 280.

⁷ Архив князей Радзивиллов.

1) Знаменитая Березинская водная система, соединявшая бассейны Балтийского и Черного морей. С 1833 по 1839 годы секретарем канцелярии инженерного управления при Березинском водном канале в Лепеле работал вернувшийся из десятилетней сибирской ссылки, куда он был осужден за участие в обществе филоматов, Ян Чечот.

2) Церковь была отстроена благодаря стараниям борисовского протоиерея Петра Боричевского (отца историка, журналиста и краеведа Ивана Петровича Боричевского, 200-летие со дня рождения которого было отмечено 1 ноября 2010 года). В своем прошении от 25 августа 1816 года в Минскую духовную консисторию (ф.156, о. 1, ед. хр. 4059) он просил о выделении денег на строительство новой соборной церкви, потому что старая церковь во время войны 1812 года была разорена неприятелем. Было выделено 10 000 рублей ассигнациями.

3) Черной Русью называлась юго-западная часть Белоруссии, которая вошла в состав Великого Княжества Литовского на начальном этапе его формирования (середина XIII столетия). Главными центрами Черной Руси были города Новогрудок, Гродно, Волковыск и Слоним.

4) Вайделоты — мифологизированный образ жрецов у пруссов. Это слово стало общим обозначением языческого жреца у балтов.

Эпизод Березинской битвы

В № 9, стр. 134 «Иллюстрация» сообщила подробности о городе Борисове. Описание Березинского сражения должно быть отнесено к этой статье. Но оставляя до времени это описание, мы представляем здесь частный эпизод, не лишенный занимательности, и вместе [с тем] оканчиваем статью о Борисове.

Чрез Молодечно, Сморгонь и Вильну Наполеон сам спешил во Францию, чтоб отдать народу грустный отчет о гибели, окончившей эту кампанию; войска в беспорядке следовали за ним.

Чудным предназначением одинаковая участь постигла двух необыкновенных полководцев, следовавших одним путем, с одними надеждами и намере-

ниями. Столетие разделило их. Карл XII, король шведский, исполненный огня и жажды военной славы, тоже через Вильно, Молодечно и Сморгонь в 1708 году нес войну в Россию, самонадеянно уверенный в победе. Этим же самым путем остатки громкой победой армии Наполеона в 1812 году возвращались в свое отечество. Судьба сравнила их на земле русской; оба великие полководца, грозные целой Европе, должны были в отечестве нашем встретить ту преграду, которой не могла им поставить Европа и которая, остановив их славу и гордость, должна была бедственно доказать им, что всякому положен предел, *его же не прейдешь*.

Страшное зрелище представляла деревня Сцюдзионка: по переходе французской армии она была совершенно истреблена, жители были разогнаны, поля облиты кровью и усеяны трупами. Ни помощи, ни помилования не было и ни от кого не могло быть падшим.

В ужасный день этот судьба разделила мужей с женами, дочерей с матерями, сестер с братьями. Счастлив, кто избежал страшной смерти; счастлив, кто погиб прямо, быстро окончив страдания, не быв долго зрителем происходившего. Дети, девушки, малютки, оставшиеся без матерей, лишившихся тут жизни, скитались прозяблые, голодные, без всякого пристанища... и непостижимым жребием спасались! Бог охранял невинных в винах людей сирот, и многие из них были принесены в помещичьи дворы, попались к людям сострадательным, которыми были презрены, воспитаны и впоследствии поставлены в приличное место в обществе. Другие, и этих было гораздо больше, скитавшиеся по дорогам и поднятые крестьянами на самом поле битвы, пригретые и накормленные, после обращены в предмет торга... Борисовские мужики маленьких девушек продавали по 10 золотых и дешевле, а крошечных детей отдавали желающим даром. Покупающие обращали их в слуг. Между девушками, осиротевшими и проданными, было много, как после оказалось, детей высокого происхождения. За некоторыми, лишь только узнавали о их существовании, несколько лет кряду из Франции приезжали родственники. Другие, о которых там не имели известий или которых не отыскивали, остались в крае и до сих пор живут в Литве, усвоив себе быт, язык и ее обычаи. Многие вышли замуж за людей, по большей части среднего и низшего класса, за служителей и приказчиков. Они не помнят ни родины, ни судьбы своей, многие не помнят и поля битвы, не знают родного языка. Из рассказов только сохранили в памяти, что некогда вышли из Франции с родителями в Россию и потеряли тут родителей, имущество, имя, общественное положение и будущность, к которой предназначались происхождением.

Мы приведем здесь два эпизода дивной игры судьбы с французскими сиротами на берегах Березины. Простой рассказ об этих происшествиях, известных повсеместно в Борисовском уезде и слышанный из уст очевидцев, может послужить содержанием для занимательной повести.

На другой день после перехода французских войск через Березину *Леонард Сутович*, чиновник из Борисова, привез в Плещеницы завернутую в тулуп промерзшую и голодную 12-летнюю девочку, которую он нашел на полях Сцюдзионки. Графиня Софья Тышкевич из сострадательности приняла на свое попечение ребенка. Девочка помнила свою фамилию: она называлась Мария Коло (*Marie Colau*). Она лишилась отца на Березине, имела двух маленьких братьев... Более ничего нельзя было узнать от нее. Мария Коло была включена в число детей графини во всех отношениях, получила отличное образование. Она выросла образованной и милой девицей. В 1817 году для окончания образования своих детей графиня отправилась в Вильну. Мария Коло сопровождала ее. Удивительным случаем в Вильне на попечении у г-на *Шостовицкого* было двое мальчиков той же самой фамилии. Близкое знакомство обнаружило, что это

были потерянные братья Марии. Отец их, главный интендант аптек при большой армии, после переправы через Березину, потеряв жену и дочь, сам с двумя сыновьями следовал за армией в Вильно. Здесь он заболел горячкой и умер. Г-н Шостовицкий, тогда главный надзиратель военных госпиталей, принял обеих сирот, потерявших все со смертью отца. Впоследствии Мария Коло поступила гувернанткой в дом помещика Коверского, а от него в дом предводителя Зеновича. Между тем, графиня Тышкевич во время путешествия за границей в каждой столице, почти в каждом городе печатала объявления о Марии Коло. Наконец, в 1824 году начали отыскивать сироту. По переписке с Зеновичами договорились о месте свидания, назначили время, даже день в Кенигсберге, куда и явилась из Франции какая-то дама в богатом экипаже с многочисленной прислугой. Г-жа Зенович вручила Марию приезжей, и с тех пор не было о ней никаких известий. Кто-то из знакомых видел ее во Флоренции, где она, как говорили, вела жизнь великолепную. Впоследствии были слухи, будто она принадлежала к королевской крови и что высокое происхождение ее тщательно скрывали. Мария Коло добротой сердца, нравом и милым обращением снискала такую любовь всех, с которыми судьба свела ее, что и теперь еще о ней остались в стране самые приятные воспоминания.

Вот и другой случай, почти всем известный в этой стороне. После переправы Наполеона русский офицер нашел на трупе женщины девочку, голодного ребенка, который губками хватал грудь матери. Сердце благородного молодого человека сжалось, он взял ребенка. Но за первым порывом сострадания пришло раздумье: что делать с грудным ребенком, когда нет уверенности и для себя в наступающем часе? Пользуясь пребыванием отряда в *Метличихах*, имении г-жи *Жижемской*, он принес дитя во двор, рассказал, как оно досталось ему, и, вручив ребенка помещице, дал 100 рублей серебром на воспитание, прося, чтоб при крещении девушку назвали Екатериной. Армия шла далее, желание русского было исполнено. Ребенка держали в доме госпожи Жижемской до двадцати лет. Выросла прекрасная, но не образованная девица. Никто не занимался ее умственным воспитанием. Войдя в лета, она сделалась служанкой в доме Жижемской. В 1822 году какой-то офицер квартировавшего тогда в Вильне войска, знакомясь с помещиками Борисовского уезда, узнал, что дитя, им оставленное, живо и находится в том же самом доме. Он взял девушку, как свою собственность, и с этой минуты Катенька исчезла. Только более нежели через двадцать лет священник приходского костела в Околове получил из Петербурга бумагу о выдаче свидетельства о крещении ребенка, найденного на поле Березинского сражения.

Много подобных случаев помнят сторожилы. Существуют примеры, слишком близкие и известные, чтоб рассказывать о них подробно. Девица *** найдена точно так же. Она стала после женою достойного помещика, чиновника. Теперь окружена детьми и пользуется в обществе столичном уважением, вполне заслуженным ею.

Молоденькие девушки, может быть, довольно высокого происхождения, делались маркитантками. Портрет одной из них, набросанный карандашом знаменитого Орловского, сохранился еще в стране. Мы передаем его здесь, как рисунок вдвойне любопытный.

Город Борисов после занятия русскими представлял печальное зрелище разрушения обгорелых остатков и множества трупов. Раненые больные всех наций, двинутых с севера, востока и запада этой гигантской борьбой, наполняли дома. Полицейского порядка еще не могло быть. Толпы народа, истомленные болезнями, голодом и морозом, как стада животных, волновались из стороны в сторону. Ни достоинство, ни воспитание, ни пол, ни возраст не спасали. Бедствия и ужасающие крайности не могли даже возбуждать сострадания.

Обезоруженные, истомленные французские *мародеры*, застигнутые на дороге, гибли толпами. Страдания и ужасы претерпевших вторжение извиняли даже и жестокость, горькое следствие кровавой войны. Французские офицеры, оставшиеся ранеными, больными или военнопленными, большей частью, впоследствии, после окончания войны, отправились во Францию. Солдаты, мародеры, ремесленники, выздоравливающие и по человеколюбию жителей получившие приют и помощь, не оставляли края, в который были занесены судьбою. Эти были счастливее всех: то дядьками при помещичьих детях, то гувернерами в домах, то учителями в школах, они жили трудом и в новом отечестве приобрели почет, спокойную жизнь и состояние. Из них осталось много ученых и опытных врачей, хороших ремесленников, искусных машинистов, отличных дистилляторов (*людей, занимающихся очищением водных смесей при помощи перегонки и разделением их на фракции*) и т. п.

Борисов, оставленный французами, наполнялся русским войском, которое, не останавливаясь в городе, переправлялось на паромах (моста не было) для преследования бегущего неприятеля. Фельдмаршал князь Кутузов перешел Березину и по правому берегу ее, чрез Минск, пошел на Вильно.

Земская и полицейская власти занялись очищением поля сражения в Сцюдзионке. Из целого уезда собирались люди для захоронения тел и освобождения от них Березины, в которой погрязли горы лошадей, обоза и пожитков. Доставали из Березины кареты, экипажи разного рода. Из них вынимали трупы женщин, матерей, кормилиц с грудными младенцами, военные фургоны, подвижные аптеки, богатые домашние принадлежности, сервизы, ящики с амуницией и пр. и пр. Конечно, уже все, что народ добывал из воды, что находилось на поле сражения, на трупах, — делалось собственностью искателей. Экипажи обдирали, а находившиеся в них сокровища, пожитки и драгоценности вынимали, нагружали возы амуницией, оружием, мундирами, седлами и отвозили каждый к себе. После 1812 года в дворянских домах, в шляхетских и обывательских мызах, даже в крестьянских хижинах находилось множество вещей, принадлежавших *большой армии*. Долго-долго, многие годы, военные вещи, оружие всякого рода, снаряды, книги, превосходные часы, столовые приборы, стеклянная, фарфоровая и серебряная посуда, золотые кольца, дамские серьги, богатые шпаги, великолепно отделанные пистолеты почти за ничто приобретались от крестьян. Разного рода железо в деле, шины, обручи, оси, походные мельницы и всякого рода ремесленные принадлежности, снаряды и инструменты были в таком множестве, что в домах некоторых соседних помещиков в продолжение 20 и более лет после не употребляли другого железа, кроме найденного на месте страшного побоища.

Через несколько лет весь этот скарб, переделанный, перешитый, перекованный из мундиров в *андраки* (женская юбка), из снарядов в хозяйственную утварь, из саблей в поварские ножи и вертела, из лат в сковороды и пр., исчез — и этот огромный, казалось, неисчерпаемый запас вещественных воспоминаний о великой армии, о страшной внесенной ею эпохе, уничтожился. На нашу долю пришлось видеть мало: остались только ручные военные безмены и ручные маленькие мельницы для молотья зерна. С этими полезными во вседневной жизни снарядами можно еще и теперь встретиться в домах здешних помещиков.

Такого рода массы сокровищ были вынесены с поля битвы. Без сравнения, многочисленнее должны были быть те, которые остались затопленными в волнах Березины и занесенными песком. Так, однажды добыли ящик с огромным количеством ассигнаций, совершенно испорченных водой. Другой раз вытащили мраморные статуи. Еще и теперь воды Березины подчас вымывают что-либо принадлежащее тому времени. Еще и теперь мальчики, купаясь, находят в песке

какое-нибудь металлическое украшение. Несколько лет тому назад крестьянин деревни Сцюдзионка, купаясь, нашел золотой крест с цепочкой, по форме должно было полагать, что он принадлежал духовному лицу высшего сана, а что он был золотой, это несомненно, потому что еврей, арендатор корчмы, искуснейший в целой деревне ювелир и знаток, определил его ценность в 8 рублей серебром и заплатил их крестьянину, не считая водки и угощения. Земля, кажется, поглотила самую значительную часть сокровищ в наличных деньгах. Французы, отступая от Москвы, предвидели свою страшную будущность. Начиная от Смоленска к Вильно и далее в местах, которые казались им возвышенными, они зарывали деньги, драгоценные металлы в надежде, может быть, что когда-нибудь найдут их. О таких сокровищах в Борисовском уезде до сих пор множество преданий. Говорят о таких кладах под Кохановом, об очень значительном будто бы под Веселовом, Зембином и Плещеницами. После переправы через Березину, ближе к Вильно, когда отступление французских войск совершалось в беспорядке, они не имели времени зарывать что-либо в землю. Лошади в фургонах падали с голода, и бочонки с золотом просто бросали на месте. В Вильно они валялись на улицах. Прозорливые люди, которые в эти минуты думали об обеспечении своей будущности, собирали их и присваивали себе. В самом деле, эти сокровища не принадлежали уже более никому.

Множество слухов носилось и носится еще и теперь о зарытых в борисовской земле французских кладах. Они утвердились в народных преданиях в преувеличенных и украшенных воображением размерах и останутся такими навечно. Многие, подстрекаемые местным преданием, испытывали счастье: рыли усердно землю, искали чего не положили в нее и уходили с пустыми руками. Не было слышно, чтоб кто-нибудь нашел клад. Впрочем, и теперь есть очень зажиточные люди, которые до Березинского сражения и борисовского разорения были экономками и приказчиками, а после вдруг сделались очень богаты. Может быть, они и поживились французскими фургонами, а может быть, они только желают, чтобы этому источнику было приписано их обогащение.

Немного лет тому назад какие-то пришельцы из-за границы, одни скрытно, другие — с официальным позволением и пособием, имея географические и топографические карты с указанием мест зарытых будто бы денег, широко и глубоко раскапывали землю. Искали по указаниям своих планов, но ничего не находили: тридцать лет так переменили места и окрестности, что ни поверить их с рисунками, ни согласить с преданиями не было возможности. Искатели сокровищ возвратились как прибыли. Единственное верное и важное сокровище земли осталось и останется в ней навсегда: слава народа, мужество и чувство достоинства и патриотизма, сокрушившие неслыханные полчища врагов несметных и избавившие Европу [от угнетения].

Подготовил к публикации Александр ВАЩЕНКО.

ВАСИЛЬ МАКАРЕВИЧ

Во весь голос...

Эссе

Говорят, что жаворонок, эта маленькая удивительная птичка, живет до того времени, пока поет. А когда пропадает голос, то камнем падает на землю и умирает. Нередко с большими поэтами происходит нечто подобное. Пока им поется, они живут, радуют стихами читателей и радуются сами. А когда внезапно их оставляет вдохновение, что-то происходит с голосом, для них начинается трагедия. Например, после написания знаменитой «Гренады» некоторое время мучительно молчал известный поэт М. Светлов. Был творческий перерыв и у наших мастеров поэтического слова А. Кулешова и А. Велюгина. А популярный поэт А. Вознесенский даже посвятил этой драме стихотворение, в котором с горечью восклицал: «Я — в кризисе. Душа нема». Трудно, конечно, сказать, был ли на самом деле у А. Вознесенского творческий кризис или всего лишь небольшая пауза. Во всяком случае, он смог пережить эту душевную драму и снова заговорил во весь голос.

А вот удручающее молчание, которое охватило одного из наших самых талантливых поэтов-новаторов Алесья Навроцкого, угрожающе затянулось. Что-то настолько крепко «заклинило» в его душе, что он, видимо, не может с этим справиться и по сей день. И все, кто переживает и тревожится за его талант, с надеждой ожидают, что вот-вот к нему вернется второе, как говорят в таких случаях, дыхание и мы вновь с большим интересом будем читать его новые поэтические или прозаические произведения. А пока хочется поразмышлять о том, чем вызван творческий кризис А. Навроцкого. Обратимся к книге «Беларускія пісьменнікі». В этом своеобразном «кондуите», как сказано в небольшеньком предисловии, «паведамляюцца асноўныя біяграфічныя факты: даты нараджэння пісьменнікаў, месца нараджэння, адукацыя, жыццёвы шлях, пералічваюцца навуковыя і ганаровыя званні, рэспубліканскія, саюзныя і замежныя прэміі, адзначаюцца ўзнагароды ордэнамі і медалямі...». Как видим, цель и замысел книги четкие, честные и благородные. Но, знакомясь с биографией А. Навроцкого, мы вдруг узнаем такие подробности, которые вызывают недоумение и вопрос: зачем они? Хотя, скажем, тот факт, что поэт «пратэстуючы супраць прымянення псіхіятрыі ў палітычных мэтах, выйшаў з Саюза пісьменнікаў», не только не унижает поэта, но даже возвышает его в наших глазах! Но это уточнение, скорее всего, приведено для того, чтобы далее порезвиться, сказать о том, что выходит за рамки интеллигентной деликатности и тех приличий, которых должны придерживаться уважающие себя люди. С каким смаком и скоморошьим упоением, видимо, в ожидании гомерического хохота и неудержимого веселья, сказано о том, что А. Навроцкий «в 1981 г. прымацаваны да псіханеўралагічнага дыспансера і пазбаўлены працы ўрача». Тут не только открытое зубоскальство (мол, видите, за что боролся, на то и напоролся), но и непростительное раскрытие врачебной тайны, которое должно быть осуждено с точки зрения моральных и этических норм и соображений. Думается, что без определенного нажима сверху вряд ли пошли бы на это составители книги. Или это месть за что-то обидное, сказанное когда-то А. Навроцким в

адрес тех или других личностей? Ведь он, в отличие от некоторых своих коллег, с поразительной смелостью мог резать правду-матку прямо в глаза даже тем, кто занимал в чиновничьей иерархии высокие места! И вот, наконец, представился удобный момент свести счеты и сполна расплатиться с обидчиком! Но каким образом? Потешиться и поюродствовать над болезнью писателя! И хочется спросить: не усугубил ли вот этот беспрецедентный выпад его состояние?

Все это вместе взятое и то, что Алесю Навроцкому исполнилось 75 лет со дня рождения, заставило еще раз обратиться к творчеству поэта, посмотреть на его произведения с высоты достижений нашей поэзии, увидеть, что выдержало испытание временем, а также вспомнить, как он пришел в литературу. Нужно отметить, что свое первое стихотворение «Ранак ідзе» начинающий семнадцатилетний автор напечатал в самом «толстом» и представительном нашем журнале «Полымя». Наверное, в незамысловатых строках сельского паренька, который к этому времени окончил Бобруйскую школу санитарных фельдшеров и начал работать в деревне Вышково Кореличского района, в редакции журнала увидели нечто такое, что свидетельствовало о его творческом даровании, и к слову сказать, не ошиблись. А что касается стихотворения, то в нем говорилось о природе. Вот как оно начиналось: «Чырвоная стужка за лесам далёкім, зара разлівае пажар. Яснеюць у змроку далёкім аблокі і дыхае свежасцю ў твар». Это был удачный дебют. Теперь, казалось, будущее А. Навроцкого предопределено: он сделает все возможное, чтобы заниматься стихами и найти работу поближе к «горячему» цеху поэзии. Но у поэта была иная судьба, — жизненная стезя привела его в Минский медицинский институт. Однако любознательный паренек с противоречивым характером и сложной натурой несколько не изменил музе и не отстранился от поэтического слова. Когда он стал заниматься на первом курсе института, на страницах «Полымя» снова появились его стихи. Но какие стихи! А. Навроцкий оставил традиционную манеру поэтического письма, отказался от ритмической напевности и стал писать совсем по-иному. К примеру, вот эта строфа, внешне как будто непрезентабельная и в техническом отношении даже несколько тяжеловесная и неуклюжая: «Рукі мазалямі пакрыты век цэлы. Мазаляў тых хапіла б усіх гультаёў надзяліць. Варта абхапіць даланямі кацёл вады зледзянелай — і кацёл вады закіпіць». Нетрудно заметить, какая огромная дистанция лежит между первым напечатанным пейзажным стихотворением и этой строфой о рабочих ладонях, от которых может закипеть в котле ледяная вода. В приведенной строфе свободная и раскованная интонация и ритмика, минимум художественных средств, нарочито прозаическое звучание и отсутствие каких-либо сравнений и образов, хотя вся строфа представляет собой одну целостную многогранную и многоцветную метафору, которая вызывает сложную гамму чувств и множество ассоциаций.

Откуда все это взялось в стихах А. Навроцкого? Так вот, поэт как будто сам позаботился об ответе и в книге «Пакаленні і папялішчы», куда вошло все лучшее, что появилось из-под его пера за двадцать лет творчества, вслед за выше приведенной строфой о рабочих руках дает то ли пояснение, то ли уточнение: «Гм... Здаецца, вершам такоўскім можна ўзрушыць нямала душ. (Пазней я зразумею, што Маякоўскага прымяраў капялюш»..) После этих строчек все становится на свои места. Занимаясь в медицинском училище, А. Навроцкий не только постигал врачебные тайны, но и проникал в поэтические секреты В. Маяковского, учился мастерству у поэта-новатора и поэта-горлана. Это еще более видно в двух следующих строфах из стиха о рабочих руках, которые поэт по каким-то причинам решил опустить, может быть, они показались натуралистическими и не вполне благозвучными. Но сами по себе они представляют определенный интерес не только тем, что были написаны поэтом в начале творческого пути, но еще и «густым сілом метафар», с которыми, как говорил А. Велюгин, нелегко было в то время «пробиться» на страницы печатных изданий. И тем не менее, это «густое сіло» присутствовало в упраздненных строфах. Вот как они звучат:

«Нібы барозны, праяглі маршчыны, жылы — канаты ўдоўж і ўпапярок. Пальцы — жалеза гатовы камечыць, як гліну, пальцы камні скрышаць на парашок. Мыюцца яны машыннымі масламі. Ручнік замяняе само лета, сама зіма. Калі такія рукі ў цябе, значыць, ты — з рукамі. Калі рукі іншыя, значыць, — рук у цябе няма».

Эти строфы, кажется, украсили бы сегодня стихи любого требовательного к себе автора. В них присутствует неторопливая разговорно-бытовая интонация, умение говорить о главном и существенном, выделить его перед читателями так, что оно вызывает не только интерес, но и наводит на раздумия и размышления. Такова природа таланта А. Навроцкого, благодаря которому уже своими первыми стихами он разрушал стереотипы и штампы, которые, казалось, намертво прижились и должны были остаться незабываемыми в тогдашней поэзии. Не все были согласны с поэтом. Находились и такие, кто открыто выступал против его стихов, с пеной у рта доказывал их надуманность и несостоятельность. Но на стороне А. Навроцкого было время. Ко всему, его поддерживал А. Велюгин, этот чародей поэтического слова, который работал в журнале заведующим отделом поэзии, к чьему мнению прислушивались даже признанные мэтры. И конечно же, не остался в стороне и тогдашний главный редактор «Полымя» М. Танк, авторитет которого был высок и неоспорим. С их легкой руки стихи А. Навроцкого и появлялись на страницах этого издания. В них присутствовали густая образность, свежесть и новизна. Они были относительно просты по своему синтаксическому построению, как вот эта строфа, хоть в ней использован такой, не всегда желательный поэтический прием, как инверсия: «Пчала — кароўка ў параўнанні з любой кароваю. Карова прыносіць малако. Пчала малако прыносіць дадому. Пасвіцца пчол выганяе на лугі мядовыя сонца-пастух, працадні не патрэбны якому». По своей незатейливости и разговорной интонации строфа напоминает начало поэмы А. Кулешова «Сцяг брыгады», где говорится: «Як ад роднай галінкі дубовы лісток адарваны, родны Мінск я пакінуў, нямецкай бамбёжкаю гнаны». Из строфы видно свободное обращение поэта с материалом, умелое владение им. А. Навроцкий не использует какие-либо художественные ухищрения или технические изыски, которыми в то время вряд ли и владел. С прежней интонацией он продолжает: «Так гаворыць мой бацька. Ён доіць мядовыя соты. Яму гэты занятак па сэрцы з маладых гадоў. Эх, і напрацуецца, бывала, да сёмага поту, і ніяк не адгоніць ад сябе хлапчукоў». Кто не обратит внимание на вот эту блестящую-золотинку, подсвечивающую всю строфу: «Ён доіць мядовыя соты». Образ с первого взгляда бросается в глаза, врезается в память и не выходит из нее. Неудивительно, что через несколько лет этот образ повторит такой серьезный, взыскательный и строгий к себе поэт, каким был А. Пысин, сказав о ягодницах, собирающих клюкву: «купіну даілі». Многозначительно звучат и строчки о ребятах, которые не отстают от пасечника, видимо, просят у него меду. Но самой удачной и значительной по содержанию и художественной оснастке является строфа, где говорится о жатве: «Чытач, не здзіўляйся, што ніву заву я таксама кароваю. Калі ніва паспее, жаць наступае пара, тады з раніцы да вечара доіць малако жытнёвае у камбайнавы бункер-даініцу сястра». Какая объемная и выпуклая метафора о жатве комбайном! Не в обиду будет сказано для поэта, яркий образ «малако жытнёвае», кажется, навеян поэтикой С. Есенина. Но это несколько не говорит о каком-либо заимствовании или подражании. Образ самостоятельный, разве что в нем присутствует немного знакомая окраска. И она свидетельствует всего лишь о том, что А. Навроцкий хорошо знал не только поэтическое наследие В. Маяковского, чей голос звучал наподобие набата, но и С. Есенина, обладателя и волшебника лирической свирели.

Подходила пора «оттепели», которую потом назовут хрущевской. Она принесет раскрепощенность как в жизни, так и в поэзии, а также и возможность говорить правду о наболевшем. Это хорошо понял и почувствовал и А. Навроцкий. Понял и то, что появилась возможность искать в поэзии новые формы стиха,

экспериментировать, пробовать открывать что-то новое. А. Навроцкий был, кажется, одним из первых молодых авторов, кто обратился к белому стиху. И заговорил в нем о родной природе, рассказ о которой настолько удачно переплестись с переживаниями лирического героя, что все сливается в единое целое. Этот стих, где отсутствует связующая рифма, которая иногда может соединить, кажется, несоединимые вещи и понятия, создан на едином дыхании и читается так, что из него нельзя вырвать ни одной фразы, чтобы не нарушить свободно льющую исповедальную речь лирического героя. Этот стих хочется привести полностью: «Чашы яблык напоўнены сокам. Ціха застылі яліны, каб сок не разліць. Я — увесь напоўнены вялікаю журбою і журба разліваецца па твары маім. Можа, таму разліваецца, што елка вяршыняй-штыком заходзячае сонца рассякае напалам? Не, таму што мне чуваць, як белым бінтам бяроза бінтуе рану, якую пакінуў цяжкі асколак, што хацеў загубіць і гэты вечар з цішынёй пывучай, і мяне, што слухаю гэту цішыню...»

Поэт обладал каким-то удивительным чутьем и интуицией, благодаря которым искал он там, где имелись еще неоткрытые поэтические пласты золотых залежей, в которых таились находки, как в отношении формы стиха, так и его содержания. Продолжая обращаться к теме природы, поэт вдруг заговорил о маленькой росинке, в которой В. Солоухин в свое время увидел целый мир. А. Навроцкий сделал это по-своему оригинально и даже в некоторой степени мудро. Сначала поэт как бы набрасывает для нас общую картину: «Яблыні галінка звычайную расінку трымае, і блішчыць расінка — сястра іншым росам». А вслед за этим он обращается к росинке: «Расінка, адкуль ты з'явілася? З якога краю? Я стаю і думаю над тваім лёсам». Хотя ничего особенного не случилось, но мы чувствуем, что нас определенно что-то задело, как говорят, зацепило за живое и заинтриговало. Оказывается, что и у простой росинки может быть интересная судьба. Тем временем поэт продолжает свой разговор: «Ты стамілася, адпачыць прысела пасля падарожжа па ўсіх кутках планеты... Э, чакай! Цябе няма! Загаварыўся, а ты паляцела... Расінка, вярніся! Дзе ты? Дзе ты?..» Тут обращает на себя внимание разговорно-бытовая речь, ненавязчиво и колоритно передающая душевное состояние и волнение лирического героя. Казалось, на этом можно поставить точку. Но А. Навроцкий не был бы тем поэтом-открывателем, которым его принято считать, если бы не сказал вот это: «Што ж, ляці!.. Падарожжа жадаю сусветнага, хай жа з прыгодамі шлях будзе твой! Праз тысячу год у паэта, як я непрыкметнага, ты, магчыма, бліснеш слязой». В строфе нет звучных и высокопарных слов и фраз, изощренных в синтаксическом отношении оборотов, но какое глубокое чувство сопереживания вызывает сказанное у читателей, как они остаются благодарны автору за художественное мастерство, с каким он сказал об обыкновенной росинке!

Стихотворение о росинке можно считать небольшой миниатюрой, посвященной природе. Но вот у поэта появился замысел воссоздать картины всех пор года, весны и лета, осени и зимы. Сколько о них написано произведений: стихов и поэм, песен и кантат! Кажется, что уже и братья не стоит за это дело. Но А. Навроцкий по-своему воссоздал красочную и неповторимую панораму всех четырех пор года. Он и назвал свое стихотворение оригинально и броско «Чатырохгранная ваза», дав подзаголовок, похожий на пояснение: «Чатырохгранная ваза — гэта прырода, дзе чатыры грані — поры года». А дальше в восьмистишиях с заглавиями «Зіма», «Вясна», «Лета», «Восень» поэт делает яркий набросок каждой поры года в отдельности. Автор склонен к конкретике и не любит «растекаться мыслию по дереву». Образность, емкость каждой фразы, претендующей на крылатое изречение, — вот что характерно для этого произведения, которое можно назвать маленькой поэмой. Разве можно лучше сказать о зимнем снеге, идущем в который раз: «Зноў заснежыла. Можа, ў раз соты. Хоць бы угледзіць душу адну. Белья скруткі калючага дроту кідае мяцеліца мне на спіну». Картина идущего снега представлена почти по-маяковски: «весомо, грубо, зримо». Каждая деталь

на виду, бери любуйся и удивляйся краткости изложения, графике рисунка! А вот этому неповторимому, будто увиденному при ярком свете молнии, образу «белыя скруткі калючага дроту кідае мяцеліца мне на спіну», кажется, нет цены. Почему? Здесь новое, по-современному смелое творческое осмысление того, чем огораживали контрационные лагеря и тюрьмы. И оно вдруг приобретает совсем другую, да еще какую, окраску! Метафора не просто входит, а въедается в наше сознание и память, и настолько крепко, что можно только удивиться!

Творческие открытия, которые можно сравнить с золотыми слитками, мы находим и в следующих восьмистишиях. Например, весна А. Навроцкому видится вот в таких красках: «Не мыльная пена зляцела з коней былінных — дзе-нідзе бялее набраклы вадою снег. І не шабельны звон зазвінеў над лагчынай — ручаі звіянец, з узгорка ўзяўшы разбег». Как видим, автор воссоздает картину прихода весны при помощи отрицания, того художественного приема, который используется в устном народном творчестве. Уместно звучат и слова, употребляемые в народных песнях и сказаниях: «коні былінныя», «шабельны звон». Переходя от одной поры года к другой, А. Навроцкий не меняет размер стиха, но появляется ощущение, что в строчках как будто звучит новая мелодия, появляется иная палитра и полифония. Густая акварель переходит в броские, но немного по-аскетически скупые черточки и линии, не теряя при этом своей выразительности. И какое-то легкое, прямо-таки воздушное дыхание чувствуется в каждой строке, где говорится про лето: «Знаёмы малюнак, сэрцу блізка: прападае сцежка ў прасторах палёў. Жыта то нахіляецца нізка, то выпрамяляецца зноў». Нельзя не заметить, что в строфе нет сложных образов, но присутствует какая-то магически притягательная сила. Так в чем она? Возможно, в ритмической раскрепощенности и музыкальности каждой строчки, которая, как лесной ручеек, прыгая по корням и камушкам, переливается из одной ложбинки в другую, несет с собой и дарует и травам, и встречным людям успокоение и свежесть. И как после этого нам не воскликнуть и не вздохнуть легко и светло на полную грудь вместе с поэтом: «Эх, як жа пасля ўсмешак маланкі лёгка дыхаць зямлі». Это значит, после того, когда скошена в лугах трава, а на полях убраны хлеба. Да и немало сделано еще чего! Вместе с тем надо отметить, что А. Навроцкий первый подметил и сказал о том, что «неба ўсміхаецца маланкай». Потом вслед за ним, но уже по его лекалам, пойдут открытия других авторов. Но вряд ли он обращал на это внимание. Желание говорить свежо и емко жило в его душе, не оставляло его ни на минуту. Не что иное, как внутренняя интуиция подсказала ему простое, почти на уровне разговорно-бытовой речи, звучание строфы о наступлении осени: «Лета, зматвай вудачкі! Дрэвы выплаўляюць руду. Вецер свістаў спачатку ў дудачку, потым у дудку, а ўжо затым у дуду». И далее поэт переходит к более медленной и спокойной интонации, нагрузив строчки усложненной образностью, чтобы показать такую пору года, как осень. Вот как говорит поэт о ней: «Адзвінелі промняў сонечныя прыскі, адзвінеў дажджоў серабрысты апад, адзвінелі лісты і ляжаць залацістым прыіскам, што прайшло, не вернеш назад». Последняя строчка звучит, как заключительный аккорд в симфонии, посвященной четырем порам года. А повторение подзаголовка: «Чатырохгранная ваза — гэта прырода, дзе чатыры грані — поры года», — становится кольцом, которое помогает еще туже стянуть все сказанное в единый узел, способствует тому, что стихотворение звучит как торжественная ода или гимн нашей матушке-природе.

Следующим шагом в овладении сложными поэтическими жанрами является произведение «Палячыце нас, доктар!». Эта своеобразная повесть состоит из отдельных рифмованных и нерифмованных частей, которые можно назвать и балладами, и фресками, и зарисовками с натуры. Объединяет их в одно — тема войны и страданий, вынесенных людьми, в том числе и одним из рядовых бойцов, который признается: «А мяне, доктар, трывожыць пякучы боль, нібы ў мае мазгі насыпана соль. Вось і зноў гэтай ноччу, як і ўчора, мяне разбудзіў рокат матора. Я прачнуўся. Галава разламваецца. Думкі мяне пераносяць на поле бою.

“Месершміт” зніжаецца, зніжаецца нада мною і валасы мае прычэсвае куляметнай чаргою. Я ўсхапіўся. Бягу. Пралятае свінцовы град. Мне пашанцавала: кулі толькі паранілі вінтоўкі прыклад... У сне кожны раз “месершміт” за мной гоніцца... Доктар, палячыце бяссоніцу!»

Обращение к доктору с просьбой о помощи звучит в конце каждой части этого довольно объемного произведения. И становится своеобразным рефреном, к которому привыкают читатели и каждый раз воспринимают его как заклинание от военного лихолетия. Само это произведение хочется рассматривать как документальное повествование людей, прошедших через ад войны, с которым тесно переплетается и авторское свидетельство о тех ужасах, что он видел собственными глазами и пережил во время войны и после нее. Он с болью говорит: «Я хацеў засмяцца, каб мой смех усюды пачулі, — але замест смеху ад гора зайшоўся плачам. Я вочы свае раскрыў, каб убачыць усмешку матулі, — але акрываўлены нож над вачамі убачыў». В таком вот ключе резкого противопоставления одного другому, человеческого звериному, и построено стихотворение от начала и до конца.

Разделы представляют собой различные картины, где показано, какие издевательства пришлось вынести людям не только от врага, но и от своих. Вот рассказ одного из них: «Аглушыла мяне ўзрывам і — я звездаў палон: крэматорнага дыму грывы і пшчотны патэфон. Не знаў і пасля спакою, сібірскую звездаў пургу. Пілаваў ручною пілою кашлатую тайгу. Я вораг быў. Як гэта горка! Як выжыў — не знаю сам. Аднолькава зубы аўчаркі шчэрылі тут і там». Такие вот строчки носят отпечаток документальной правды, и она порой оказывает на читателей большее воздействие, чем самые изысканные поэтические находки. Автор не гонится за внешней привлекательностью стиха. Ему важны факты, сказанные кратко и четко, будто вырубленные топором, как в этом случае: «Доктар! Я падпольшчыца. Я сядзела ў барысаўскай турме. Шомпаламі грэлі мае цела, стала я за вугаль чарней. Пасля вайны дасталося не меней. Нядоўга цешыў жаданы мір. Каласоў калгасных сарвала жменю — і трапіла ў Сібір». Имеются в этом неординарном произведении и такие документальные странички, где поэт говорит об очереди за хлебом в послевоенное время, делает это выпукло, гротескно: «Бывала, ля магазіна стаіш рана. Хлеб трэба ўхапіць, такі пракручваеш план. А за тваёй спіной аж да Ціхага акіяна бушуе людзей кіпучы акіян». Чтобы найти вот такую, можно сказать, глобальную метафору, нужно было не только самому поэту постоять в этой бесконечной очереди, но и иметь незаурядный талант.

А. Навроцкий в редких случаях прибегал к фантазии, он создавал свои стихи на основе собственных наблюдений и переживаний, или же его подталкивали к этому события и явления, что происходили в стране. Он, как и многие другие поэты, отозвался стихотворением о первой в мире ракете на Луну. Радует то, что оно не стало скороспелкой-однодневкой, сделанной наспех и с одной целью — только бы не отстать от коллег! Автор нашел ключ к теме и начал стих с того, что было перед его глазами: «Малюнак звычайны», который бывает на сельском дворе. Это — «Сад. З’ясі антонаўку — на месяц аскоміна. Лычам свіння тузае дзверы. А дым уецца з коміна». Заметим в скобках, что в первом варианте вместо «Свіння тузае дзверы» было: «Дым з хаты ідзе не праз вокны і дзверы, а з коміна», что гораздо лучше и в стиле раннего А. Навроцкого. Далее действие развивается по своим художественным законам. Автор говорит: «Засумаваў я, пазіраючы на малюнак гэты, дзе дажджы ў гразі месяца. І раптам навіна — наша ракета даімчала да Месяца». Вот он, переломный момент в однообразной картине. Для другого автора хватило бы и этого. Но А. Навроцкий чувствует, что нужна какая-то незначительная, едва заметная, но с волшебной окраской черточка-подсветка. И он находит ее, а может, она и сама приходит к нему. И ему остается только запечатлеть ее на бумаге: «Захацеў хлапчука я падкінуць вышэй весніц! Рукі мае да малага пацягнуліся самі. Няўжо гэта я дакрануўся да Месяца сваімі рукамі?» Кажется, ничего особенного не случилось, а на самом деле произошло чудо.

В одно целое соединился полет ракеты на Луну и то простое, что сделал поэт, подбросив «хлапчука вышэй весніц», и историческое событие превратилось в поэтическое чудо.

Отозвался А. Навроцкий и на полет первого космонавта в космос, Ю. Гагарина, и сказал об этом так образно и колоритно, что едва ли кто и сейчас может сделать это лучше: «А тут навіна. Я ўзбуджаны прахапіўся. Сэрца майго — мацней стук. Чалавек з космасу апусціўся на тры мільярды угору паднятых рук». Под этими строчками обеими руками подписались бы даже поэтические снобы и мэтры, увенчанные лавровыми венками и государственными наградами. Умение говорить с планетарно-космическом размахом и не терять при этом душевной теплоты поэт продемонстрировал и в стихотворении «Размова з Уладзімірам Ільічом». Не будем уточнять, что заставило такого далекого от политики поэта, каким был А. Навроцкий, обратиться к вождю пролетариата. Он никогда не высказывал своих отношений к ленинским идеям. Возможно, эта была отписка перед теми, кто руководил в республике идеологической работой. Ведь поэту нужно было издать книжку стихов, а о нем шла молва как об авторе, который не очень считался с официальными установками. А перед этим, когда критика вдруг обрушилась на одну из книг рассказов Б. Саченко, тот печатно поклялся перечитать всего Ленина и придерживаться линии партии. Так или не так было с А. Навроцким, неизвестно. Но стих был создан. Поэту надо отдать должное, он не пошел протоптанными стежками, а нашел нужную интонацию в разговоре с вождем и, обращаясь к нему, в одном месте стиха он говорит: «Чакайце, я лепш раскажу Вам пра грушу, што ў нашым садзе стаіць. Звычайнае дрэва, якіх на свеце шмат. Ды ўвосень на ім — не галіны, а грушы адны. Іх калацілі не раз я і меншы мой брат у імжастыя дні. І вось знаходзяцца істэрычныя душы на тым баку планеты. Зморшчылі лоб, крычаць: “Карэнне вашай грушы шар зямны прараслі і перакуляць небаскроб...”» Невозможно не удивиться, что произошло при поэтическом переосмыслении простых жизненных вещей и явлений. Они превратились во что-то грандиозное, просто фантастическое! Действительно, как это можно, чтобы корни обычной груши могли угрожать небоскребу! А разве это не было так? Разве воинствующий коммунизм не заставлял дрожать акул капитализма, и в первую очередь в Америке? Не будем говорить, реально было это или желаемое выдавалось за действительное, но подано оно было настолько убедительно, что невольно хотелось верить в его достоверность. Такова, видимо, сила убеждения художественного слова.

Проникновенно и с какой-то необыкновенной живинкой сказал А. Навроцкий свое слово и о К. Марксе. Строками, в которых говорилось о способности Маркса проникать в сущность вещей и явлений, был взволнован в свое время и наш классик В. Короткевич. Вот что он писал, давая рекомендацию А. Навроцкому для вступления в члены Союза писателей СССР: «Па-сапраўднаму люблю вершы паэта. Такі верш, як “Размова з Уладзімірам Ільічом”, і такую паэму, як “Стрэл у твар смерці”». И дальше приводятся строки из этой поэмы: «...Маркс! Ты калісьці ля гэтага акіяна паставіў свой пісьменны стол. Гэта быў чалавечы дум акіян кіпучы. О, натхнення салодкі боль. Больш за сорок гадоў ты адмучыў, каб з акіяна вылавіць соль. Ты паміраў, а заводы і фабрыкі ў дыме патоплі, з паравозных печаў вырываўся агонь. Ты паміраў, і апошнія той солі кроплі твая сціскала далонь».

Сегодня вполне можно понять то ли удивление, то ли восхищение поэтессы В. Вербы, которая однажды в семидесятые годы, придя в редакцию журнала «Полымя», где в то время присутствовал и автор этих заметок, сказала, что была в «Ленинке», республиканской библиотеке, читала в «Известиях» поэму А. Твардовского «Василий Теркин на том свете» и видела А. Навроцкого, который с карандашом в руке штудировал «Капитал» К. Маркса.

Прирожденная любознательность А. Навроцкого помогала ему добираться до глубины жизненных ситуаций и явлений, проникать в их суть, определять эле

заметные признаки драматизма, которые происходили даже в такой безобидной и мирной среде, как природа, и выделять их на фоне других. Так случилось и с маленьким зернышком. Что, казалось бы, можно сказать о нем? Но поэт на то и поэт, что имеет богатую фантазию и может увидеть то, что не видно другим. Впрочем, вряд ли можно назвать фантазией, а не жизненной действительностью все то, о чем рассказал автор: «Я — Зерне. Ляжаць на камені змушана, замярзаю на ім, сонцам аглушанае. А навокал калоссем звоніць поле, не ўсім аднакая выпала доля». Вчитываясь в стихотворение, где заключен значительный философский смысл, так и хочется воскликнуть: мал золотник, да дорог! Хотя дотошный буквоед может отыскать в нем что-то вроде неточности. Например, как это может замерзнуть на камне зернышко, «сонцам аглушанае»? Оказывается, в поэзии может происходить и такое. Разве иссушенное солнцем зерно не может дрожать на рассвете от холода, когда появляется первая роса? Как видим, внешне ничем не примечательное четверостишие на самом деле требует определенных раздумий, проникновения вглубь сказанного. А разве это плохо, когда поэзия не убаюкивает, а требует от читателей активной работы мысли, душевного напряжения, пробуждает нас от духовной спячки. В строчках говорится о драме, постигшей Зерно, которое должно давать новые колосья и зерна. Сколько вместе с ним погибло нерожденных зерен, а значит, и чьих-то душ, судеб и жизней, возможно, принесших бы счастье для многих, в том числе и для нас. Да разве только этим ограничивается тот круг размышлений, на которые наводят четыре скупые, но поэтически полнозвучные строчки.

Алесь Навроцкый хорошо знал, что краткость — сестра таланта, и, «абдумываючы план і мэту», как говорил М. Богданович, каждого нового стихотворения о таком неуловимом и загадочном чувстве, каким является любовь, стремился говорить экономно и сжато, как и в этой вот строфе: «Асенняй раніцай, асеннім днём гарыць каліна пад яе акном. Глядзіць задумліва яна ўдалечыню, ці грэе рукі ля твайго агню? Пайшла... Не хоча ў бок мой нават паглядзець, пакінула на тым агні гарэць». Сколько тут многозначительности, душевной щедрости и много еще того притягательного, что бывает в настоящей поэзии. Немало душевного трепета и юношеского волнения мы находим в строчках, обращенных к той, что была и остается мечтой: «Няўжо да цябе, нібы да аблачынкі лебядзінай, што бялее на небасхіле, у канцы трамвайнага пуці, няўжо да цябе, такой далёкай-далёкай, і адзінай-адзінай, мне ніколі-ніколі не дайсі?» Несмотря на то, что строфа представляет собой длинную фразу с несколькими повторами одних и тех же слов, которые усиливают их смысловое значение и звучание, складывается впечатление, что она не просто произнесена, а мгновенно выдохнута влюбленным юношей, и при этом с болью, которая передается и нам, читателям. Иногда стихотворение, где говорится о любви, напоминает тонкие узоры на стекле окна, которые оставляет утром крещенский мороз, как, например, в этой строфе: «Мяцеліца круціцца, мяцеліца верціцца. Шмат хто ловіць яе. Але ж хто мяцеліцу зловіць? Толькі я не лаўлю. Я збоку стаю і ніяк не магу слова прамовіць. Мы расстанемся. І я уздрыгну не раз за будзённаю мітуснёй-бегам: якое шчасце было жыць яе абсыпаным снегам».

Что касается любовной лирики А. Навроцкого, то она по-своему интересна и любопытна с точки зрения того, как его лирический герой относится к девушке и женщине. Поэт воспевает не только целомудрие, но также замечает в девушке и те чисто женские черты, как это видно из стиха, где говорится о том, как молодой врач приезжает в районный городок на практику и встречает медсестру, о которой сказано так: «Здароўе яе толькі стала палаць, а ўжо і намёкі на пышны палац. Пад кофтаю — два анёлы». И дальше все идет как и нужно. Медсестра сама влюбляется в парня и не скрывает своего чувства. Дело остается за ним. Но он почему-то медлит. И чтобы ускорить любовную развязку, хозяйка, у которой квартируют влюбленные, уезжает на день-другой к сыновьям, давая молодой паре возможность остаться наедине. Что же между ними происходит? Вот как

воссоздает эту картину поэт: «Мой ложак — побліз. Заснуць не магу. Расчынена спальня справа. Маланкі бліскаюць у мазгу. У думках-то я ў спальню бягу, а на самай, на самай жа справе...» О чем идет речь? Возможно, у лирического героя своенравный и противоречивый характер, который подводит его и в этой, казалось бы, простой ситуации. Может быть, он недоволен сам собой и окружающим его миром, поэтому все время ищет согласия и гармонии с ним, но получается так, что всем, с кем он общается, приносит только душевную горечь, разочарование и боль.

Разве не о сложности его мировосприятия свидетельствует стихотворение, в котором поэт от своего имени говорит: «Я ўяўляю, што я — бацька. З ношай сена іду да сядзібы. Пот градам. Займае дух. І насустрач сын мой маленькі выбег: “Тата, ношу давай панясем удвух!”» Далее поэт подхватывает его и сажает «на ношу сена». И что же чувствует в это время? А то, что не соответствует законам физики и земному тяготению, да и здравому смыслу. Автор признается: «Усмешка за нос мой чапляецца ў тую ж хвіліну. І лёгка так маёй нагруджанай спіне, нібы нясу я не ношу з сынам, а сын разам з ношай нясе мяне». Может ли быть вот такое на самом деле? Прочитав стих, конечно, хочется верить, что так оно и было. Да и все свидетельствует о том, что великие чудеса с человеком происходят во время подъема и взлета его духа, окрыленности, как вот и в этом случае с сыном, о котором рассказал поэт.

Желание сказать не так, как говорили до него и при нем, заставляло А. Навроцкого пробовать, искать и, в конце концов, находить что-то новое. А возможно, оно само легко и непринужденно приходило к нему, шепнув: бери перо, записывай! Кажется, именно так было и с небольшим стихотворением об уборке зерна на целине. Но удивительное дело: читая строчки, появляется чувство, будто автор ставит своего лирического героя в положение, близкое к комическому. Посудите сами! Разговор о работе на комбайне поэт начинает с того, что «па Акмолінскім стэпе вецер хадзіў-гуляў, капялюш саламяны з маёй галавы сарваў. Крыкнуць ветру хацеў я: “Што ты робіш? Не руш!” Пакаціўся далёка мой капялюш». Ну прямо-таки юмористически-водевильная картинка, которую впору показывать по телевизору в передаче Петросяна. А дальше: «Праганяючы стомленасць, праганяючы сон, на камбайне пагнаўся я за ім наўздагон. Дзе шастае пшаніц медна-бронзавы сплаў, трыццаць дзён на камбайне яго даганяў. Даганяў — не дагнаў. Знаю сам: не бяда. Але стэп як успомню — чагосьці шкада». И что же, можно спросить, в итоге получилось? Ко всеобщему удивлению, на наших глазах произошло невероятное. Перед нами серьезное и оригинальное стихотворение, со своими особенностями и, если хотите, странностями. Но в нем нет ни комического, ни иронического. Просто поэт употребил форму иносказания, где чувствуется неумная авторская сила и задиристость, когда от избытка чувств хочется веселиться, по-детски шутить и каламбурить.

Нужно сказать, что поэт нередко использовал в своих произведениях такие художественные приемы, которые сегодня называют провокационными, парадоксальными, абсурдистскими. Таких стихов у него десятки. Можно привести множество строчек, фраз, где он со всем блеском проявил способность говорить по-своему, оригинально: «...не раз зажураным вокам я на ўсмешцы тваей павіснуў», «...а з-за станцыі таварнай ляцела-ляцела і на галінку каліны белай прысела вясна», «Ты пагражаеш лыжкай у лоб пацалаваць гарэзу», «А годы прымярзаюць мне да сэрца», «Я камень шыбану ў проса, што вераб’ямі зарасло», «Цеплатраса ж: давай вязі жалезабетонныя латкі», «Месяц майскую цемру разбоўтаў. Жоўта», «І ўсё стукае ў раму акна твае імя», «У неба блакітнае чарніла елка вярхушку сваю памачыла», «Зябкім холадам асіны сагрэтыя», «Белы вецер поўзае па газонах», «Неба шэры меніск грозіць марозамі», «Снег з ветрам калючым шныраюць. А я ледзь чутна прашу: «Трава, прыляці з выраю, прысядзь на лугі і шапу».

Нельзя не сказать, хотя бы кратко, о такой довольно крупной вещи А. Навроцкого с многозначительным названием «Папялішча», которую можно назвать

повестью в стихах. Она автобиографична, представляет собой, скорее всего, исповедь. Автор постепенно знакомит нас со своей жизнью, жизнью врача и поэта, со всеми трудностями и сложностями, которые ему пришлось перетерпеть и перенести. Но самым сложным для него оказалась семейная жизнь. Ах, как он раньше ошибался: «З любой буду жыць, як у казцы, — сам сабе я бажыўся. Няма на свеце той трасцы, з якой бы я не ўжыўся». Как там было дело с «трасцай», никто не знает, а вот с женой жизни у героя произведения, от имени которого ведется повествование, не получилось. Автор подробно рассказывает о тех нелепостях, из-за которых в семье происходили так называемые нелады, перераставшие в скандалы: «Вяселле — дзень самы яркі, а пасля яго — звады. Адразу ж грывнулі сваркі і — з-за губной памады». Ко всему этому, видимо, постоянные ссоры настолько подействовали на дочь, что в конце концов, как говорит поэт: «Нібы вулканнай лавы звярыны ашчэр, загрузатала слова — слова псіхдыспансер». Нужно ли говорить, как воспринял эту весть отец. Он свидетельствует: «Дачка да мяне — шчакою, праз слёзы не бачыць света. Дачка абвіла маю шыю: “Ратуй мяне, тата!”» На этой трагической ноте и обрывается драматическое произведение, оставляя читателей наедине с раздумьем о дальнейшей жизни его героя.

Своеобразным продолжением этой исповеди можно считать стихотворение «А маятнік шчоўкае...», в котором поэт замечает: «Маятнік адшчоўкае мне пяцьдзясят трэці», и дальше: «Зірнеш за акно, — а там век дваццаты, век суровы без меры. Мушу прызнацца, што я прывязан канатам... Да чаго б вы думалі? Да псіхдынспансера! Па гэтай прычыне сяджу я дома, узвышаюцца кнігі акрай стала. Хто ж мяне прывязаў? Камісія, вядома. Яна ж і халат з мяне зняла». Посмотрите, в строчках нет образов, сравнений, но читая их, у кого не подступит к горлу горький ком. Но и это еще не все. Рассказав о том, чем поэт занимается, он продолжает: «Ды часам находзіць журбы хвілінка, і я камечу паперы ком. Непадалёку ад Мінска, ў Навінках, за агароджаю высіцца дом. У доме тым на першым паверсе танцуюць, галёкаюць, у бубен б'юць, рагочуць, спяваюць. І нібы чэрці, здаецца, на вас нападуюць і прыб'юць. І думка мая мне скроні ломіць. І я згубіў ужо рэшткі надзей. Мая дачка жыве ў тым доме, жыве яна сярод тых чарцей». Какая драма, какое безвыходное положение! Но лирический герой не падает духом и мужественно говорит: «Шмат яшчэ будзе наперадзе солі! Дзе ты, небасхілу блакітны шоўк? Ці дайду да цябе, сабраўшы сілы? А маятнік шчоўкае — шчоўк ды шчоўк...» Словом, жизнь идет своим чередом, продолжается, невзирая ни на какие препятствия и беды!

И хочется верить, что придет время, когда все невзгоды оставят Алесья Навроцкого, отойдут в сторону, и он снова вернется к творчеству со своей, только ему присущей, манерой письма и почерком, который не спутаешь ни с каким другим, и из-под его пера появятся новые строки, наполненные, как и прежде, удивительной жизненной силой и правдой своего времени.

